

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт Философии

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ФИЛОСОФИИ

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки
51.04.01 «Культурология»
основная образовательная программа магистратуры
ВМ.5653 «Русская культура»

Исполнитель
Вербин Дмитрий Александрович

Научный руководитель
Доктор философский наук,
профессор кафедры этики СПбГУ
Бродский Александр Иосифович

Рецензент
Преподаватель кафедры
таможенного дела
и управления рисками
СЗИУ РАНХиГС
Рахконен Марина Евгеньевна

Санкт-Петербург
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. 1914 год. Сущность и причины войны. Основные цели и задачи России	
10	
§1. Смысл и природа войны.....	11
§2. Причины войны.....	18
§3. Задачи России в войне.....	28
ГЛАВА II. Поиски национальной идеи	45
§1. «Национализм» и «патриотизм» как предметы осмысления.....	46
§2. Духовное единение как основной фактор победы.....	59
Заключение	65
Список литературы	68

ВВЕДЕНИЕ

Более ста лет назад разразился конфликт, ставший трагическим прологом всего XX века. В современной историографии его принято называть первой мировой войной. Впрочем, некоторые западные историки до сих пор используют термин «Великая война». У. Черчилль, в свою очередь, говорил о новой тридцатилетней войне 1914-1945 гг.¹ О. Шпенглер в «Закате Европы» так охарактеризовал этот конфликт: «это был тип исторического стыка времен, занимавшего биографически *предопределенное* в ходе столетий место...»²

Именно в ходе этого вооруженного столкновения были уничтожены просвещенческие иллюзии европейской цивилизации, вера в её гуманизм и бесконечное благо технического прогресса. Многие политические формы правления и социальные учения, существовавшие в Европе, показали свою недееспособность и архаичность. В 1918 году был задан дальнейшей вектор общественного, экономического и идеологического развития всей европейской цивилизации.

Помимо всего вышесказанного, подтверждающего непреходящую актуальность феномена первой мировой войны для современности и насущную необходимость её всестороннего изучения, следует обозначить еще один момент. Являясь последним конфликтом, в котором непосредственно участвовала Российская империя, это была последняя война, чей смысл искала и которую пыталась оправдать русская философская мысль. Среди русских мыслителей этого периода большое внимание уделялось рассмотрению феномена войны как такого, особенно нравственным и духовным аспектам этого явления. Также необходимо отметить, что именно факт участие в первой мировой войне предопределил

---

¹ Черчилль У. С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 1: Надвигающаяся буря / Пер. с англ. под ред. А. Орлова. М., 1997. С. 7

² Шпенглер.О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1 Гештальт и действительность / Перевод с немецкого, вступительная статья и примечания К. А. Свасьяна М., 1998. С. 184

дальнейшее будущее России. В ходе разразившейся революции была кардинально изменена национальная парадигма, созданию которой был посвящен труд многих мыслителей XIX начала XX вв.

В советское время историки, следуя общему направлению, в котором двигалась отечественная наука, не могли объективно изучать события 1914-1917 гг. Так, например патриотический подъем первых месяцев войны или замалчивали, или называли «квасным патриотизмом» и «шовинизмом». 1964-ом году в Москве состоялась конференция, посвященная 50-летию начала войны (по материалам прозвучавших на ней докладов в 1968 году вышел сборник «Первая мировая война»).

В 90-х годах начинается новая веха в изучении нашей темы. В 1992 году создается Ассоциация российских историков первой мировой войны. В настоящее время издано пять альманахов этой ассоциации, выпущенных по материалам Международной научной конференции «Первая мировая, Версальская система и современность», проведенной совместно с факультетом международных отношений СПбГУ.

Что касается исследования восприятия первой мировой войны общественностью и деятелями культуры, то безусловно, следует упомянуть кандидатские диссертации Смирновой А.М. «Столичная интеллигенция в годы первой мировой войны» и Милованова А.В. «Первая мировая в восприятии российских религиозных мыслителей».

Среди иностранных исследователей, изучающих рассматриваемый нами вопрос, следует упомянуть философа и литературоведа Н.П. Полторацкого, изучавшего в работе «философию войны» Н.А. Бердяева. И профессора Хельсинкского университета Бена Хеллмана, сборник статей которого «Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе», содержит некоторые работы, напрямую пересекающиеся с темой восприятия первой мировой войны русскими мыслителями.

Однако следует заметить, что с 90-х годов были проведены обширные исследования, они носят довольно фрагментарный характер. Это была классификация и подробный разбор их взглядов и убеждений. Необходимо расширить общее поле исследования и восстановить максимально полную картину развития общественного сознания в годы первой мировой войны. В частности, до сих пор слабо представлено формирование, и становление национальной идеологии в условиях военного времени.

Для реализации этого намерения наиболее целесообразным представляется анализ философского восприятия первой мировой войны в трудах участников Московского и Санкт-Петербургского религиозно-философских обществ им. Вл. Соловьева: С.Н. Булгакова, Н.А.Бердяева, С.Л. Франка, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн, Д.С. Мережковского и др.

Несмотря на существовавшие противоречия среди мыслителей и имевшую место быть разницу во взглядах, нельзя не отметить их общность во многих вопросах. Именно в этой «общности», в единстве их мнения на некоторые базисные моменты и следует выявить моменты, которые порой ускользали от взглядов исследователей.

Таким образом, главной целью настоящего исследования является выявить общие положения во взглядах на события 1914-1917 гг. среди представителей русской интеллектуальной элиты, проиллюстрировать попытки формирования теории целостной национальной идеологии и поиска идентичности в условиях военного времени.

В соответствии с этим в работе ставятся следующие задачи:

1) Обозначить общую позицию, занимаемую рассматриваемыми авторами в реалиях военного времени и обзор разницы в их точках зрения на поставленные проблемы.

2) Рассмотреть первоначальные представления о смысле и причинах войны 1914 года и задачах России в ней.

3) Осветить эволюцию взглядов по основным вопросам в более поздний период войны.

Хронологические рамки работы определяются с 19 июля 1914 г. до Февральской революции. В качестве библиографической базы при написании работы были использованы несколько видов источников. В первую очередь, это статьи и брошюры философов Московского и Санкт-петербургского философских обществ, опубликованные в периодике 1914-1917 гг. Особую ценность представляет журнал «Русская мысль», в котором были опубликованы многие из разбираемых нами материалов. Также это труды общественных деятелей, писателей и публицистов, а также воспоминания, дневники и письма. Кроме того это ценные исследования современных исследователей, работающих в данном направлении. Это, в первую очередь сборник: «Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы», опубликованный по материалам доклада круглого стола, состоявшегося 1–2 ноября 2012 г. в Москве и сборник: «Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте первой мировой».

Методологической основой для исследования является, в первую очередь метод научности, предполагающий объективное и беспристрастное изучение интересующего нас явления, что позволяет достаточно широко осветить изучаемую проблему. Придерживаясь принципа историзма, следует помнить, что рассматриваемые нами работы были написаны людьми, жившими в начале XX века и потому неприемлемо оценивать некоторые их позиции исходя из особенностей современного менталитета. Для непосредственной работы с текстами был применен метод герменевтики. Кроме того, для выделения строго очерченного предмета исследования был применен структурный метод, что позволило поставить задачу, связанную с изучением структуры изучаемого явления. Определив с помощью структурного метода границы интересующего нас явления, в их пределах оно было рассмотрено с помощью системного метода развития и углубления

исследований, не только как совокупность взаимосвязанных элементов, но и как некое целостное явление, обладающее собственной структурой и внутренней логикой развития. Для выделения культурного поля интересующего нас явления был применен метод реконструкции культурных полей, с целью выявить то культурное поле, в которое была погружена и которое создавала интересующая нас группа мыслителей.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней представлен обобщенный анализ представлений русской интеллектуальной элиты о первой мировой войне и обрисована общая картина их взгляда на события 1914-1917 гг. Проводится анализ формирования основных мировоззренческих установок и единой «национальной идеологии» годы военного времени.

Положения, выносимые на защиту:

Первая Мировая война способствовала формированию определенного типа национального самосознания, отличающегося от форм сознания мирного времени.

Одной из характерных особенностей данного типа самосознания являлось преобладание в нем «сверхличностных ценностей» (согласно термину Н.А. Бердяева), с предельной концентрацией на идее жертвенной самоотдачи во имя высших идеалов и вытеснение ценностей личностного блага отдельного индивида на второй план.

Основное различие между рассматриваемыми мыслителями заключается в том, что представители «неославянофильства» уделяли первостепенное внимание особенностям и самобытности русской цивилизации, противопоставляя ее европейской. Сторонники «всеединства» подчеркивали универсальную роль России как фактора христианского объединения народов Европы.

Однако, несмотря на указанные в предыдущем положении различия, необходимо указать, что сторонники обеих концепций сходились в эсхатологическом понимании переживаемой ими эпохи, которую они трактовали как «русское возрождение». Кроме того, сторонники «неославянофильства» также указывали на фактор «наднационального» объединения как на основной момент исторической «миссии» России, рассматривая национальную самобытность как необходимую для этого ступень.

Двойственная природа доведенного до предела, идеализма военного времени, который мы выявили в процессе нашего исследования, может служить одной из причин возникновения тоталитарных государств, как можно видеть из истории XX века. Идея приоритета «сверхличностных» идеалов, пренебрежение к человеку, понимаемых уже не в духовном аспекте, а как служение официально провозглашенной идеологии. «Сверхнародное» единство может быть истолковано как некое единое «сверхгосударство».

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что полученные в результате, дополняют имеющиеся теоретические представления о первой мировой войне, отличающиеся, как уже было упомянуто, фрагментарностью и позволяют сформировать более общее представление и целостное видение её восприятия.

Практическая значимость работы, также очевидна. За XX век в войнах и вооруженных конфликтах погибло, по примерным оценкам, около 150 млн. человек. Как указывает В.В.Серебрянников, общее количество военных конфликтов к концу XX века по сравнению с его началом выросло почти в 10 раз³. Также новейшее время вскрыло угрозу мирового терроризма, когда этой необъявленной войны «мирного времени». Однако, несмотря на все эти тенденции, ни в российской, ни в мировой современной философской мысли

---

³ *Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997. С. 13.*

не наблюдается попыток осмыслить суть феномена войны и понять причины и смыслы вооруженных столкновений народов.

После 1991 года современные мыслители и публицисты столкнулись с проблемой выстраивания новой идеологической парадигмы национального существования. Слепое копирование западных идеалов «демократии» и «общечеловеческих» ценностей показало свою практическую недееспособность в российской действительности. Уже давно и настойчиво говорится, что национальная идея нашего государства должна опираться на предшествующий опыт, учитывая многовековую историю формирования этого вопроса. И можно быть уверенными, что изучение попытки русских мыслителей создания общенациональной идеологии в 1914-1917 гг. также может быть практическое значение в разрешении этого непростого вопроса.

Апробации работы. Отдельные моменты диссертации обсуждались на четвертых международных чтениях по истории русской философии «Русско-японский философский диалог», проходивших 20-22 сентября 2016 года в СПбГУ, а также на общественных мероприятиях мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Блос Дло».

ГЛАВА I. 1914 год. Сущность и причины войны. Основные цели и задачи России.

Начало войны население Европы встречало с небывалым энтузиазмом и воодушевлением. В историографии это явление называют «настроением 1914 года». Вот как описывает те августовские дни военный врач Л. Войтоловский: «...мобилизация лихорадочно гудит и заливают воинственным

задором вокзалы, улицы, магазины, газетные листы, знакомые и незнакомые лица. Нервы истерически взвинчены, и все кричит о желании воевать»⁴.

Николай II объявлял в манифесте: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом...»⁵ И общественность действительно показала в те первые месяцы невиданную прежде сплоченность. Практически все партии и общественные движения высказали о своей поддержке правительству. Страна была охвачена искренним патриотическим порывом, желанием сплотиться в борьбе с врагом. В столицах прошли манифестации в поддержку правительства, в городах и поселках толпы народа несли русские флаги и иконы, портреты Николая II и членов царской семьи. Лишь большевики поддержали лозунги, выдвинутые В.И.Лениным о превращении империалистической войны в войну гражданскую и о поражении своего правительства.

Ведущие русские мыслители с самого начала попытались осмыслить характер и сущность разразившейся войны. Многими она в самом ее начале воспринималась как шанс, возможность для обновления и улучшения России в самых различных областях. Были распространены эсхатологические мотивы и ожидание «духовного обновления» России и всей Европы. В собственно философском осмыслении можно выделить два направления, это осмысление собственно войны как явления человеческой жизни и задач России в ней.

§1. Смысл и природа войны

Рассмотрение феномена войны имеет давнюю философскую традицию ещё со времен Платона. Если же говорить о русской философии, то одним из первых этой темы коснулся Ф.М. Достоевский в «Парадоксалисте». Одна из главных идей этой работы заключается в том, что на первом плане стоит не

---

⁴ *Войтоловский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: по следам войны. - М.: Воениздат, 1998. С. 3.

⁵ *Бережная А.Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975. С.12.

взаимное истребление, а жертвенность, готовность отдать свою жизнь за высшие идеалы и близких: «Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество». ⁶

Также войну рассматривает В.Соловьев в работе «Смысл войны», где говорит о том, что кроме общенравственной оценки, необходимо учитывать также ее значение в истории человечества и лично-нравственном, или практическом значении для каждого отдельного человека. «Смещение или же неправильное разделение этих трех вопросов ... составляют главную причину всех недоразумений и кривотолкований по поводу войны»⁷. И если с первой позиции война есть безусловное зло, то в исторической перспективе нельзя, по мнению Соловьева, не увидеть положительные её стороны как объединяющего фактора, служащего стимулом развития цивилизации. Если рассматривать войну с позиций третьего, личностного фактора, то нельзя не вспомнить в связи с этим рассказ генерала из «Трёх разговоров» о схватке с башибузуками, разорившими армянскую деревню: «Тут со мною вдруг какое-то просветление сделалось. Сердце будто растаяло, и мир Божий точно мне опять улыбнулся». ⁸

Одной из первых попыток осмысления событий 1914 г. стала статья кн. Е.Н. Трубецкого «Смысл войны», опубликованная в газете «Русские ведомости» от 8 августа. Позже Трубецкой издаст сборник под этим же названием, куда войдут статьи, опубликованные в этой газете за первые три месяца с начала боевых действий. Автор утверждает, что общественность переживает подлинный «духовный переворот» и никогда прежде так отчетливо не обозначался общенародный характер войны. По словам автора, подобного народного единения не наблюдалось тридцать семь лет, с русско-

---

⁶ Достоевский. Ф.М. Парадоксалист // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко – М., 2005. С. 12

⁷ Соловьев. В., С. Смысл войны // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко – М., 2005. С. 27

⁸ Вл. Соловьев. Три разговора о войне, прогрессе ... // Русские философы о войне / сост. И. С. Даниленко М., 2005. С. 98

турецкой войны 1877-1878 гг. *«В первый раз после многих лет мы увидели единую целостную Россию»*⁹.

Трубецкой проводит аналогию с событиями десятилетней давности: «Много было причин, почему мы потерпели неудачу в последней японской войне, но главная, кажется мне, заключается в следующем: не было этой сверхнациональной цели, которая могла бы собрать Россию в единое целое...»¹⁰

Трубецкой отчетливо обозначил свое видение грядущих событий. Необходимо освобождение Россией других народностей, в частности, славянских. По его мнению, Россия именно тогда нравственно и духовно исцеляется, когда, служит общечеловеческому делу. *«Призвание России – быть освободительницей народов»*¹¹.

Изучению природы феномена войны году посвящены работы И.А. Ильина «Основное нравственное противоречие войны» и «Духовный смысл войны». В первой статье философ говорит, что одно из самых страшных явлений войны это *«сомнение в совести, как в последнем и высшем источнике нравственной очевидности»*¹².

«Позволительно ли убивать человека? Может ли человек разрешить себе по совести убийство другого человека?»¹³ Ильин отвечает на это отрицательно. «В убийстве человека есть нечто последнее и страшное; мы все это остро чувствуем, но лишь с трудом можем сказать»¹⁴.

---

⁹ Трубецкой Е.Н. Смысл войны. М., 1914. С. 17

¹⁰ Там же. С.18

¹¹ Там же. С. 9

¹² Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. // Вопросы философии и психологии. 1914. № 5 – С. 798

¹³ Там же. С.800

¹⁴ Там же. С. 802

И далее он говорит о трех основных мотивах, имеющих в этом вопросе решающее значение. Первый из них, это «глубина и таинственность самого процесса жизни». Никто не владеет тайной жизни, которая сама по себе непостижима и внушает религиозное благоговение. Вопросы жизни и смерти не входят в сферу компетенции человека, а потому убийство это «насильственное и произвольное вторжение в Сферу Божественной компетенции и премудрости». Убийство есть акт «величайшей гордыни», так как человек приравнивает себя этим к Божеству, а отсюда прямой путь ко *вседозволенности*. Второй момент, на который указывает Ильин, это «абсолютная *нелюбовность*», акта убийства. Здесь он имеет в виду, что, процесс жизни сам по себе, это соединенность всех людей в любви, «непрерывная, сплошная связь всех со всеми»¹⁵. И соответственно, насильственное обрывание жизни есть уничтожение этой связи, полный «нравственный отрыв» между убийцей и убиваемым. «Убийство предполагает разрыв и ожесточение»¹⁶.

И третий мотив это *непоправимость* убийства. Хотя по большому счету, непоправимо все происходящее в мире, каждый поступок и слово. Но если обычную обиду или неправду можно изгладить «в порядке любви», то убийство имеет «характер невозвратности». Самое страшное именно это «больше никогда», которое привносится смертью. Убитый уносит с собой в небытие целый мир, и более того «знавший умершего, чувствует, как в его собственной душе ликвидируется целый сектор живых взаимодействий, чувств и отношений; как угасает живая часть его личности»¹⁷.

Таким образом, нравственно оправдать факт убийства нельзя. Все разговоры о «необходимой обороне» представляют собой «попытку укрыть

---

¹⁵ Там же. С 806

¹⁶ Там же. С 807

¹⁷ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. // Вопросы философии и психологии. 1914. № 5 – С. 813

вопрос о личном поведении и личной вине, за плечами коллектива»¹⁸. Ни в коей мере невозможно оправдать то или иное деяние человека, даже если оно служит благому делу. «Мучения и убийства, которые люди чинят друг другу в сражении, не станут ни благим, ни праведным, ни святым делом». Философ призывает к отделению *«нравственной доброкачественности»* от *«практической целесообразности»* и более того, перекладывает вину за происходящее на все общество в целом, говоря об ответственности всех и каждого за происходящее: *«Война, как организованное убийство, остается нашей общей виной»*¹⁹.

Но из этого вовсе не следует, что Ильин вслед за Толстым призывает к непротивлению. Он говорит, что учение последнего устанавливает *«максимальную щедрость в отдаче того, чем другой желает завладеть»*²⁰ и правомерно в отношении и *«временных и конечных»* благ. Но подобная щедрость не распространяется на *духовное достояние, принадлежащее всему человечеству.*

Есть в жизни людей то, что они любят больше себя, ради чего готовы принять мучения и смерть. И более того, ради этого человек готов взять на себя вину и ответственность, пойти против своей совести, потому что на войне: *«не остается нравственно праведного исхода»*²¹.

Это и есть по мысли Ильина величайшее противоречие войны, когда человек: *«не закрывает себе глаза на виновность своего решения и своего дела, но видит все, как есть, и мужественно приемлет виновный подвиг»*²².

---

¹⁸ Там же. С. 816

¹⁹ Там же. С. 817

²⁰ Там же. С. 821

²¹ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. // Вопросы философии и психологии. 1914. № 5 – С. 823

²² Там же. С. 825

В «Духовном смысле войны» автор более широко затронул вопрос о значении войны для народа. Он конкретизирует внимание на необходимости абстрагироваться от индивидуального, от заботы о себе и своих интересах, свойственной человеку в обычной жизни. Война создает совершенно иные условия существования индивида: «...она противопоставила нашему мелкому повседневному “здесь” - некое великое “там” и потрясла нас этим “там” до корня»²³.

Ильин вводит термин *«нравственное добровольчество»*, характеризующее лучшие качества русского народа и способное помочь одержать ему победу. Война обрела всенародный характер, так как являлась духовно-оборонительной. Философ отмечал, что оборонительной можно называть такую войну, в которой «опасность грозит духовному достоянию обороняющегося народа». Победу в этой войне одержит уже не просто армия, но коллективные усилия всего народа в целом. Но в первую очередь, необходимо напряжение именно духовных сил общества, которые только и имеют подлинное значение. «Ратная победа, без духовного подъема, будет поражением»²⁴, - таков общий вывод. И только «духовный подъем» имеет ценность сам по себе, так как повлечет «и другие, непредвидимые, неоценимые заранее достижения»²⁵.

Практически сразу на события 1914 года откликнулся Н.А. Бердяев в статье «Война и возрождение», опубликованной в газете «Утро России». В ней он затронул глобальные вопросы современной жизни и сравнивал с её Отечественной войной 1812 г²⁶.

---

²³ Ильин И.А. Духовный смысл войны. М, 1915. С.7

²⁴ Там же. С. 47

²⁵ Там же. С. 48

²⁶ Милованов А.В. Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей. (1914 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. канд. истор. наук. – Саратов, 1999.

В этой статье была выдвинута идея столкновения славянской и германской «рас». «Германской расе противостоит еще культурно-молодая, свежая, полная надежд на будущее славянская раса»²⁷. В необходимости для «славянской расы» проявить себя в мировой истории, сказать «миру свое слово» и заключалось важнейшее условие «возрождения» России.

Второй отличительной чертой его размышлений являлось утверждение о кризисе с европейской цивилизации, ее «мещанском характере». Но для европейских народов, погрязших в буржуазном благополучии открылась возможность «еще раз проявят героический дух, скрыто всегда живущий в человеческой природе»²⁸.

О смысле разразившейся войны говорил в своей публицистике второй половины 1914 - начала 1915 гг. писал философ С.Н. Булгаков. Его позицию, которая выразилась в статье «Русские думы», опубликованной в конце 1914 года можно смело назвать неославянофильской. Как и Бердяев, он критикует «мещанскую культуру», которую сравнивает с разрушающейся вавилонской башней.

По мнению С.Н. Булгакова, победа России в войне, кроме возможности внутреннего обновления страны, должна еще явить Европе «Святую Русь», в то время как «с великим шумом разрушается вавилонская башня мещанской культуры»²⁹.

Еще более неославянофильский характер имели воззрения В.Ф. Эрн. Во второй половине 1914 - начале 1915 г. им было написано большое количество статей, которые после вошли в сборник «Меч и крест. Статьи о современных событиях» В.Ф.Эрн никогда не скрывал своего «славянофильства», отстаивая свои убеждения с воинственной

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Булгаков С.Н. Русские думы. // Русская мысль. 1914. № 12. – С. 109

агрессивностью. Несмотря на критику многих его идей, роль В.Ф. Эрн в формировании общественной мысли России того периода была огромна.

В статье «Голос событий» В.Ф. Эрн указывал на то, что с началом войны Россия и весь мир вступили в новую эпоху, в которой масштабы предстоящих изменений будут несоизмеримы. В разрешении катаклизма мировой истории России отводится ведущая роль: «Доселе Россия жила пусть огромным и грандиозным, но всё же своим обособленным углом во всемирной истории. Теперь же она выступает в роли вершительницы судеб Европы, и от её мудрости, от её вдохновения и решимости будет зависеть вся дальнейшая история мира»³⁰.

Одно из главных положений В.Ф. Эрн это «столкновение духа Германии и духа России», олицетворяющих собою, соответственно меч и православный крест. Если для германского народа «нет ничего выше меча, выше грубой физической силы, - сам Бог есть сила для них, а не правда», то для России символ креста олицетворял высшую божественную правду. Философ представлял мировую войну как борьбу и во внешнем плане, и во внутреннем, религиозно-нравственном измерении. В России в связи с войной произошло «духовное возрождение», которое выразилось прежде всего в вере русского народа в «высшую правду». Война являет собой испытание прочности «народного духа». Она «разоблачает скрытые язвы и вдруг показывает, до какого болезненного состояния дошел организм народный, но она выявляет и скрытые достоинства, и скрытые здоровые силы».

В 1914 году вышла в свет книга В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение. Справедливый характер разразившейся войны для России не вызывал у автора сомнений. Как и Бердяев, он сравнивает её с Отечественной войной 1812 года, говоря о ее народном характере: «Ныне мы

---

³⁰ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С.301.

все войны, потому что наша Россия есть воин, а с Россией - мы все»³¹. Однако цели настоящей войны выходили за рамки оборонительной борьбы с германским милитаризмом. Окончательные цели войны - победа славянства над германизмом и дальнейшая гегемония России в Европе. «Родниками бытия» должны служить «славянский мир и все те нравственные и политические начала, какие указывали славянофилы».

В.В. Розанов подчеркивал, что оборонительные войны являются нравственно-воспитательными. Для русского человека приобретают конкретный смысл и звучание такие понятия, как «Государство» и «Отечество». Война привела к тому, что государственность в России раскрылись в своих лучших свойствах. Среди признаков положительных признаков В.В. Розанов выделял отказ пьянства и повышение религиозности. Начальный период войны В.В. Розанов осмысливал как «очистительную бурю», способствовавшую достижению единства и возрождению «народной и славянофильской России».

Таким образом, в работах рассмотренных нами мыслителей о смысле и природе войны 1914 года в первую очередь акцентируется внимание на её духовно значении. Многие оценки наивны и слишком оторваны от реальности. Экономические и политические вопросы на второй план.

§2. Причины войны

Уже в начальный период войны была выдвинута концепция войны как столкновения двух цивилизаций, борьбы двух духовных начал - германизма и славянства. При этом причины войны виделись не в социально-экономических и политических аспектах, а в сферах жизни духовной. Анализ статей рассматриваемых философов показывает, что существовали весьма разные подходы к осмыслению данной проблемы.

---

³¹ В.В. Розанов. Война 1914 г. и русское возрождение. М. 1914. С. 4

Позиция московского Религиозно-философского общества по вопросу о причинах войны наиболее полно была выражена С.Н. Булгаковым. Исторические размышления С.Н. Булгакова представляли собой синтез религиозно-философских построений и марксизма. С.Н. Булгаков широко применял социальную философию и экономическую теорию марксизма, знакомую ему еще с 90-х годов XIX в.

Он писал, что «по своей непосредственной причине теперешняя война есть, прежде всего, плод национального соперничества, порождение борьбы за мощь и богатство, за мировую гегемонию, имеющую целью политическое и экономическое порабощение...»³² Капитализм привел к взаимному соперничеству народов. В данном случае первостепенным является соперничество Англии и Германии. из-за которого «потребность экспансивного расширения, проявляющаяся в погоне за территорией и рынками, за сферами влияния, с внутренней исторической необходимостью должна была рано или поздно привести к мировому катаклизму, подобно тому, как увеличивающееся давление пара разрывает, наконец, котел».

Вместе с тем эти причины войны, по С.Н. Булгакову, тесно связаны с духовными истоками. В статье «Русские думы», в основу которой легла речь, прочитанная на заседании московского Религиозно-философского общества 6 октября 1914 г., он излагал свой взгляд на духовные истоки войны, которые он видел в особом характере новоевропейской истории. Он писал, что она слишком отклонилась от христианства, что в ней возобладало стремление к овладению силами природы. Европейская культура «становилась демиургией, превращая средство в самоцель, и эта демиургическая мощь ее и оказалась почвой для “германского” соблазна»³³. Германия является примером наиболее яркого выражения самосознания нового человека, для которого характерны эгоцентризм и практический материализм.

---

³² Булгаков С.Н. Русские думы //Русская мысль. 1914. №12 - С. 109.

³³ Булгаков С.Н. Русские думы //Русская мысль. 1914. №12 - С. 112

В брошюре «Война и русское самосознание» влияние марксистских идей в этой работе слабеет, а вместо этого усиливается внимание к славянофильским представлениям. Данную работу можно назвать одним из основных манифестов неославянофильства. Философ вновь не устал повторять, что мировая война «есть некоторое банкротство всей новоевропейской цивилизации, ее обличение и суд над новой историей».

С.Н. Булгаков достаточно четко обозначал так называемые «мещанские черты» современной Европы: «комфорт жизни, понимаемый не только в грубом смысле различных внешних ее удобств, но и утонченных духовных вкусов, культурный эпикуреизм, умение находить счастливую меру в пользовании всякими благами жизни, желание “устроиться на земле” прочно и с артистическим вкусом...» С.Н. Булгаков считал, что в Европе человек утратил Бога и вместо начал поклоняться комфорту. Война привела к изменению мещанского характера новоевропейской цивилизации, вместо неё начал проявляться «лик христианской, средневековой Европы...»

Противопоставление «Россия-Европа» преобразовывалось в позицию «Россия -Германия», как битва духовности и материализма. Германия «ощутила, как свою историческую миссию, огнем и мечом крестить народы во имя земного, европейского бога»³⁴. Однако вместо победы мещанской культуры, мировая война вызвала ее кризис и духовное фиаско.

На том же заседании московского Религиозно-философского общества (6 октября 1914 года) выступали В.Ф. Эрн с докладом «От Канта к Круппу» и Е.Н. Трубецкой с докладом «Война и мировая задача России». Позже все они были опубликованы в журнале «Русская мысль» за декабрь 1914 года.

Доклад «От Канта к Круппу» произвел впечатление не только на участников, но и на российскую интеллигенцию в целом. В качестве основной работы, явившейся истоком «заблуждений» немецкой философии

---

³⁴ Булгаков С.Н. Война и русское самосознание (Публичная лекция). М., 1915. С. 26

была выбрана «Критика чистого разума». В.Ф. Эрн указал свое категорическое несогласие с представлением, будто немецкая культура - это одно, а «немецкие зверства» и пытался доказать взаимозависимость немецкой культуры с милитаризма.

Основные принципы, изложенные в «Критике чистого разума» Канта и развитые Фихте и Гегелем, воплотились в свойственных именно немецкому народу чертах. В.Ф. Эрн отмечал, что здесь свою роль сыграл и протестантизм с его верой в «разумность». Постепенно утрачивало значение «все историческое и традиционное, все инстинктивное и природное, все вдохновенное и благодатное». Все эти ценности ставились в жесткую зависимость от феноменалистического первопринципа. Логическим следствием этого, по мнению В.Ф. Эрна, явился расцвет наук в Германии, где интересовались всем, кроме истины. Именно для немецкого сознания, по мнению В.Ф. Эрна характерно «теоретическое богоубийство», которое и привело к господству силы и власти и мечтам об абсолютной власти. Немецкий народ осознал себя преимущественно в качестве феномена, который подразумевает использование опытного познания. Это и привело в конечном счете к «восстанию германизма».

Таким образом, согласно В.Ф. Эрну, можно увидеть связь между немецкой философией и ее материальным воплощением в виде милитаризма: «для германского сознания со всего мира были сняты онтологические запреты и высшие предназначения и географическая карта Земли предстала германскому воображению огромным и сладким “меню” невиданного и неслыханного в истории мирового пиршества»³⁵. Исходя из этой логики, можно проследить следующую последовательность: феноменалистические принципы И. Канта – «восстание германизма» и рост влияния феноменологии - насильственная мировая гегемония. «Внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально

---

³⁵ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С.119.

сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа”. Таким образом, В.Ф. Эрн доказывал первое из трех утверждений о закономерности эволюции «от Канта к Круппу».

В финале статьи В.Ф. Эрн предельно субъективен в своей неприязни к немецкой культуре. Всем представителям немецкой философии нового времени он находит обвинения. Статья вызвала у большей части критиков тех лет по большей части негативную оценку. Следует отметить, что довольно скоро В.Ф. Эрн смягчился, признав в «германизме» наличие общечеловеческих ценностей и включив немецкую культуру в состав всемирной.

Будучи одним из активных членов московского Религиозно-философского общества, Е.Н. Трубецкой, однако, занял свою позицию, во многом, отличную от неославянофильской. Он не разделял концепции войны как противостояния России и Запада. Приходит время, согласно его мнению, взаимообогащения двух культур посредством их взаимопроникновения.

Это вовсе не означает забвение русской культуры и предание российской государственности. «Во-первых, Восток в этом столкновении олицетворяется вовсе не нами, а скорее императором Вильгельмом, поднявшим зеленое знамя пророка, во-вторых, под одним с нами знаменем ведут ту же самую освободительную войну против Германии целых три народа Запада»³⁶. Также было бы необоснованно разделять противоборствующие стороны согласно их конфессиональной принадлежности. Так, на под знаменем православия воевали Россия и Сербия, с одной стороны и Болгария в союзе с центральными державами. Католицизм исповедовался Францией, Италией и Польшей, а с другой, стороны - австрийцами и венграми. Лютеранство исповедовалось в Германии с одной

---

³⁶ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России //Русская мысль. 1914. №12. - С.90.

стороны и латышами, эстонцами и прибалтийскими немцами, которые сражались в рядах русской императорской армии, с другой.

По мнению Е.Н. Трубецкой, куда более существенно обозначить специфику германизма как культурно-исторической разновидности внутри протестантизма. Одной из составляющих которого являлось высокомерное отношение к другим народностям и культурам. Возможно, причиной такого национального своеобразия служило географическое расположение Германии. Для немецкого народа характерно мнение, что он находится в центре событий и внимания, и мир должен «вращаться вокруг него». «Еще великий Фихте сказал, что немцы - “соль земли”. Они одни - носители мирового смысла, представители Я среди народов...»³⁷, - подчеркивает Е.Н. Трубецкой, эту германскую особенность. Представление немцев о том, что они выражают собой «мировой смысл» и среди народов Европы являются образованнейшими и самыми «культурными» отчетливо проявилось во время франко-прусской войны.

По мнению Е.Н. Трубецкого, как нельзя лучше иллюстрирует это положение недавнее постановление немецких литераторов не переводить на немецкий язык литературных произведений воюющих с Германией народов. Это означает, что в Германии не боятся духовного разрыва с культурами других стран не боятся, будто он способен чем-то повредить немецкой культуре. Это презрение к культуре других стран и приводит в итоге к варварским действиям на фронте и «к расстрелу Реймского собора... Этот подвиг и постановление германских литераторов - одного поля ягоды, различные проявления одного и того же духа»³⁸.

Вопросу «германизма» Е.Н. Трубецкой уделял меньше внимания чем В.Ф. Эрн, В.В. Розанов, С.Л. Франк и Н.А. Бердяев. Однако основным

---

³⁷ Там же. С. 94

³⁸ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России //Русская мысль. 1914. №12. - С.94-95

мотивом его рассуждений го являлось желание предупредить об опасности увлечения идеей национального превосходства и самодостаточности.

В том же номере «Русской мысли» была опубликована статья С.Л. Франка «О поисках смысла войны». В ней философ подверг критике некоторые положения «славянофильской», как он сам выразился концепции войны. По его мнению, была неверной постановка вопроса, когда: «сама сущность одной из борющихся сторон признается выражением абсолютного блага, а другой - абсолютного зла...»

Для оправдания войны, по утверждению С. Л. Франка, можно оперировать только понятием «относительной правды» (конкретно-исторической точки зрения), а не «абсолютной истины». В начале войны трудно оставаться «объективным» по отношению к противоборствующей стороне.

Еще одной ошибкой, по мысли С.Л. Франка, является представление о том, что «тем злом, против которого мы боремся в этой войне и которое хотим одолеть, является само существо немецкого духа, немецкого гения». Наоборот, войну надо воспринимать «не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальным сознанием Германии и - тем самым - как войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской культуры во всех ее национальных выражениях»³⁹.

Речь «От Канта к Круппу» С.Л. Франк назвал «наиболее субъективной». Отрицание значимости немецкой философии означало бы «осуждение, признание негодными самих основ национального бытия»⁴⁰. Так называемое «немецкое зло» не может быть «тождественно с корнями, с метафизической основой национальности нашего врага».

---

³⁹ Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12.

⁴⁰ Там же. С. 131

Истоки национальной культуры заключаются, согласно С.Л. Франку, в религиозном умонастроении, которое не может быть признано заблуждением. Любое религиозное умонастроение основывается на вековых традициях и вырастает из души народа, заключая в себе пусть и относительную, но правду. Основы национального бытия не должны подвергаться сомнению. Нация может пойти по «неверному пути», но глубинные основы ее бытия остаются нетронутыми этими заблуждениями.

С.Л. Франк отверг антитезу Запад - Восток, которая в концепциях С.Н. Булгакова и В.Ф. Эрн превращалась в противостояние Германии и России. Наиболее неубедительной стороной славянофильской концепции являлась, по его мнению, недостаточно четкая определенность самого понятия «Запад». Как может война, в которой на нашей стороне стоят Франция и Англия, может быть охарактеризована как борьба России с Западом? Согласно Франку: «война идет не между Востоком и Западом, а между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа - в том числе и истинных вкладов в него германского гения - и его хулителями и разрушителями»⁴¹. Германия выступала уже не как выразительница «мирового зла», а как страна, большая часть которой впала в «заблуждение», которого и нужно бороться.

Итак, по мысли С.Л. Франка, нельзя искать врага в какой-либо философии. В настоящее время, считал он, противник России - это не Германия времен Канта и Гете, а современная Германия, которая «потеряла всякое понимание религиозного мировоззрения ... и, отрекшись от своих великих мудрецов, предалась соблазну безыдейного и безрелигиозного самомнения»⁴².

Впоследствии, С.Л. Франк смягчил свое отношение к неославянофильской концепции. Что касается споров с В.Ф. Эрном то уже в

---

⁴¹ Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12.- С. 131

⁴² Там же. С. 132

1915 г. в одной из статей он признал некоторую правоту взглядов последнего о «виновности» в развязывании войны ряда положений немецкой философии. В то же время тот факт, что немецкий народ способен сплотиться в единое целое для борьбы с противником, показывает и некоторые сильные стороны противника.

Необходимо отметить, что рассмотренные нами работы характеризуют, прежде всего московских философов. Подобные дискуссии проходили также и в Санкт-Петербурге. Причем на заседании Петербургского Религиозно-философского общества (ПРФО) обнаружилось преобладание более осторожного и взвешенного подхода к славянофильской тематике. 26 октября 1914 г. состоялось обсуждение докладов Д.С. Мережковского «О религиозной лжи национализма» и А.А. Мейера «О религиозном смысле мессианизма». В них поиски духовных истоков войны и споры о «германизме» выходили из основного контекста и превращались в споры преимущественно философского характера .

Участниками ПРФО мировая война осмыслялась в общефилософских и культурологических аспектах. А.А. Мейер предупреждал о той опасности, когда национальное превращается в грубый национализм, а затем - в более утонченную его модель, а именно мессианство. Осознание той или иной нацией своей миссии приводило к осознанию своего превосходства.

Одним из главных заблуждений мессианизма, по мнению А.А. Мейера было убеждение в том, что в принципе может существовать нация свободная от греха. Взамен мессианизма философ выдвигал идею миссионизма, т.е. осознания нацией своей миссии. В осознании такой исторической миссии «заключается то истинное самосознание нации, которое уж очень далеко от простого самоутверждения национальной души».

Столкновение наций, оправданные исторической необходимостью, могут со временем дать и положительные элементы, привести их к сотрудничеству. А.А. Мейер писал: «Необходимое участие многих

национальных индивидуальностей в единой борьбе человечества дает лишь большой простор выявлению каждой из них своего лица, исполнению каждой своей миссии уже не в столкновениях друг с другом, ... а в сотрудничестве, облегчающем каждой из них служение единой цели»⁴³.

Сильные стороны германской культуры признавал Д.С. Мережковский. Он полагал, что принципиально неверна точка зрения, когда одна культура провозглашалась высшей, а другая - низшей. Культурные традиции России и Германии были просто различными, что обусловлено исторически. Он отмечал, что «та критическая работа мысли, которую немцы совершили, не пропадет и всегда будет освещать дальнейший путь и облегчать дальнейшую работу»⁴⁴.

В статье “Соловьи над кровью”, написанной в конце 1914 г., Мережковский подчеркивал неправомерность неославянофильских представлений. В своей критике он приводил отрывки из статей В.Ф. Эрн и С.Н. Булгакова, а также из книги В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение».

Особенно возмущали его размышления В.В. Розанова о том, что весь немецкий народ, за исключением Гете, должен быть изгнан из человеческого общежития и яростный призыв: «Бей немца по морде - штыком, кулаком, плетью, палкою - чем ни попало!» Подобные лозунги приводили в недоумение даже союзническую прессу. Мережковский говорит, что читал выдержки из «Таймс», в которой «ужаснулись и благоразумно» заметили,

---

⁴³ Мейер А.А. Петербургское Религиозно-философское общество // Вопросы философии. 1992. № 7. - С. 113

⁴⁴ Милованов А.В. Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей. (1914 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. канд. истор. наук. – Саратов, 1999.

что «поголовное избиение» 60-ти миллионов людей» выглядит «фантастично»⁴⁵.

§3. Задачи России в войне

Среди задач России выделялись проблемы как внутреннего и внешнеполитического характера. В публицистике многих авторов подчеркивалась необходимость обороны России и войны до победного конца. Вместе с тем все философы считали, что у России есть более высокая историческая миссия, однако характер ее определялся по-разному.

Большое внимание уделялось проблеме территориальной. Указывалась необходимость сохранения целостности и независимости России, а также присоединения к ней ряда территорий. В связи с этим в их публицистике важное место занимали польский и армянский вопросы. Характерно, что данные вопросы русские религиозные мыслители считали исключительно внутривосточными, в то время как было бы справедливым признать их во многом внешнеполитический характер.

Можно обозначить две основных позиции в русской философской патриотической мысли этого периода. Это точка зрения неославянофилов и мыслителей, стремившихся взглянуть на исторические задачи России более масштабно. Как уже говорилось в предыдущем параграфе, позиция неославянофилов, или «православного патриотизма» наиболее ярко была выражена во взглядах В.Ф. Эрнста и С. Н. Булгакова и отчасти, В.В. Розанова.

Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Д.С. Мережковский, И.А. Ильин рассматривали вопрос о задачах России во время войны в контексте таких глобальных явлений, как кризис не только европейской, но и мировой культуры. Для неославянофилов главным объектом рассмотрения являлась Россия.

---

⁴⁵ Мережковский Д.С. Соловьи над кровью //Первая мировая война в русской литературе. Антология. М., 2014. С.505

С.Н. Булгаков считал, что в новой исторической эпохе, решающее место будет принадлежать славянству и России. Ей предстоит особая историческая миссия в дальнейшем развитии человечества. Именно Россия даст толчок нравственному обновлению Европы и возрождения христианской культуры: «историческое творчество родится из сердца народного, сердце же России в православии, а потому и русское творчество ... есть раскрытие и осуществление потенций русского православия»⁴⁶. Победа должна явить Европе «святую Русь», а основные принципы, европейской культуры необходимо пересмотреть. Весь мир «ждет русского слова, русского творчества ... Миру должна быть явлена мощь русского духа, его религиозная глубина: царство “третьего Рима” - новой Византии ...»⁴⁷

Размышляя о будущем, С.Н. Булгаков по сути дела обосновывал, с религиозно-философской позиции, территориальное присоединение к России Константинополя и проливов. Он высказывал предположение, что «новая Византия» в лице России займет место павшего второго Рима. Стремление России «торжественно вступить ... в царственный град Константина должно явить нововизантийскую, русско-православную культуру христианского Востока». Булгаков считал, что именно в этом случае «свершится полнота западно-восточного мира, сомкнется круг исторической цепи»⁴⁸.

С.Н. Булгаков выступал за развитие национального самосознания. Оно вскрывает внутреннюю духовную силу народа, что наиболее отчетливо проявляется во время войны. Но национальное самосознание лишь этап на пути достижения «вселенского самосознания»: «Национальность есть высшая ценность, но не последняя: она необходимо лежит на пути к вселенскому самосознанию, но не должна от него отвращать и преграждать к

---

⁴⁶ Булгаков С.Н. Русские думы // Русская мысль. 1914. № 12. - С. 114.

⁴⁷ Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М., 1915. С. 56.

⁴⁸ Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М., 1915. С. 56.

нему дорогу»⁴⁹. Элементы вселенского самосознания всегда присутствовали в русском самосознании и выражались как сострадание, скорбь за всех, переживание за судьбу всего мира. Новая эпоха истории, вызванная войной, приближала появление вселенского сознания, отчасти уже существовавшего в русском народе.

Также среди задач, стоявших перед русским общественным сознанием в годы войны, С.Н. Булгаков называл отказ от «идолопоклонничества» Западу. Российская интеллигенция заимствовала философские идеи чаще всего из Германии, которая показала свой духовный крах. Именно Германия, страна «философского критицизма и всяческой научности, практичности и годности, эльдорадо социал- демократии и родина марксизма», была для многих выдающихся умов России, кумиром.

Наиболее типичным выразителем «православного патриотизма» являлся, как уже оговорилось, В.Ф. Эрн. Он утверждал, что «наступает время, когда Россия должна сказать свое мировое слово», выступить в роли лидирующей силы Европы. «Проблема Европы во всей своей безмерной культурной, политической и религиозной сложности»⁵⁰ становится проблемой российской. Миссия России - быть выразительницей и защитницей вверенного ей византийского наследия.

Вместе с тем В.Ф. Эрну, в отличие от С.Н. Булгакова, были свойственны более широкие взгляды. Возможно, это было вызвано его деятельностью в кадетской партии. В.Ф. Эрн отмечал, что в ходе войны началось духовное сближение между Россией и Европой. Отношение России к Европе, по его мнению, изменилось после того, как стало очевидно, что отрицательные черты европейской цивилизации сосредоточились в Германии. В публичной речи «Время славянофильствует» он призывал: «будем ... помнить, во имя чего мы взяли за оружие и какой порыв

---

⁴⁹. Там же. С 60.

⁵⁰ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 301

объединил нас с Европой. Не будем забывать, что внутренне, по совести, в нашей духовной глубине мы сошлись с Европой на общем почитании святынь»⁵¹.

В.Ф.Эрн рассматривал ряд национальных вопросов, обострившихся с началом войны. Многие мыслители, в частности рассматривали вопрос о дальнейшей судьбе Польши и Армении. Будущее этих государств В.Ф. Эрн связывал с тем, что они останутся в составе Российской империи, будут «расти и политически развиваться лишь в ритме и в созвучии с общим ростом государственности *русской*»⁵². В рассмотрении польского вопроса В.Ф. Эрн на первое место выдвигал религиозные факторы. Необходимо было освободиться от «конфессионального ослепления и исторических предрассудков». Для этого католичество и православие должны свершить акт церковного взаимопризнания .

В.Ф. Эрн также постоянно указывал на необходимость преодоления внутренних раздоров и вражды. В сознании российского общества, по его мнению, должно укорениться представление о том, что в «величайших событиях нашего времени» нельзя считать себя только частным человеком. Война затрагивает всех и каждого. В такой ситуации все ответственные за судьбу страны. В связи с этим философ подчеркивал необходимость моральной поддержки воюющей армии всем обществом. Армия «должна чувствовать за собой не только миллионы возможных воинов, не только огромное, подавляющее число их, но и внутреннюю беспредельность народного решения, его авторитетное единодушие и целостность»⁵³.

В.В. Розанов уделял мало внимания подробному рассмотрению внешнеполитических и внутривнутриполитических задач России во время войны и после ее окончания. Он обрисовывал некоторые проблемы в общих чертах, не

---

⁵¹ Там же. С. 381-383

⁵² Там же. С. 345

⁵³ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 345

вдаваясь в подробности. Тем не менее, основные задачи Розанов обозначил достаточно четко. Это победа славянства во главе с Россией и возрождение русской культуры и всех сторон общественной жизни: «Заря новой войны - не только племенная борьба с германским миром, а и культурное возрождение России, возрождение на исконных русских началах».

В книге В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» отчетливо прослеживалась мысль о том, что в ходе войны основные задачи России только начнут осуществляться, но для их полного решения потребуется еще много времени и сил.

Несколько иной подход к осмыслению миссии России в мировой войне отличал П.Б. Струве. В своих работах, связанных с темой войны, П.Б.Струве выдвигал такие положения, которые вскоре станут идеологическим обоснованием так называемого «русского империализма». Характер деятельности П.Б. Струве приводил к тому, что в его работах тесно переплетались политические, экономические, культурологические и общефилософские аспекты. Синтез данных начал - одна из наиболее сильных сторон его историософских построений.

На страницах «Русской мысли» П.Б. Струве достаточно четко и убедительно обосновывал свое понимание исторических задач России во время войны. Философ считал, что идеал «великой России» - это отчасти уже свершившийся факт, но в то же время этот идеал продолжает осуществляться именно в ходе войны. П.Б. Струве стремился обозначить грандиозные исторические перспективы, открывавшиеся перед Россией в данное время: «Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание». ⁵⁴

П.Б. Струве выделял четыре основных блока исторических задач России в мировой войне.

---

⁵⁴ П.Б. Струве Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 178

Во-первых, что являлось особенно важным, Россия должна воссоединить с империей все части русского народа. Из этого вытекала историческая неизбежность присоединения к Российской империи Галичины. Он обосновывал это следующим образом: «Такое присоединение необходимо - как это, к сожалению, с полной ясностью обнаружилось именно в связи с этой войной - и для внутреннего оздоровления России, ибо австрийское бытие мало- русского племени породило и питало у нас уродливый так называемый “украинский” вопрос»⁵⁵. Разделяя нации на «державные» и «недержавные», П.Б. Струве считал украинский народ лишь одной из разновидностей русского народа.

Второй главной задачей П.Б. Струве считал необходимость воссоединения Польши, однако исключительно под эгидой России и в составе Российской империи. Воссозданная таким образом Польша будет представлять «единый национальный организм». По отношению к «польскому вопросу» П.Б. Струве, занимал позицию, близкую к позиции многих других либеральных деятелей того времени.

В-третьих, П.Б. Струве в статье «Великая Россия и Святая Русь» обосновал и развил идею захвата и присоединения черноморских проливов - Босфора и Дарданеллов. П.Б. Струве обосновывал это следующим образом: «Россия должна подчинить своему “контролю” или иначе влиянию и власти проливы ... Это для самой России - экономическая и политическая необходимость, но в то же время - необходимость и для всех народов Ближнего Востока, ибо присутствие России на проливах есть единственное, необходимое и достаточное, обеспечение мирного сожительства христианских народов Ближнего Востока». ⁵⁶

Четвертая важнейшая задача, стоявшая перед Россией: « П о с л е завершения роли прямой освободительницы христианских народов от

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ П.Б. Струве Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 178-179

турецкого ига, Россия теперь призвана осуществить миссию - могущественного умиротворителя и третейского судьи между христианскими народами, наследниками османского государства»⁵⁷

Иной подход к осмыслению миссии России в войне можно видеть у мыслителей, которые были активными критиками неославянофильства. Это, прежде всего Е.Н. Трубецкой, - бывший сторонником идеи эволюционного демократизма и одним наиболее последовательных приверженцев философии В.С. Соловьева. Также к этой группе можно отнести И.А. Ильина и С.Л. Франка. Что касается Н.А. Бердяева, то его трудно отнести к той или иной группе, он выступал скорее как сторонник синтеза идей обеих групп.

Согласно Е.Н. Трубецкому, война способна вывести Россию на путь служения общечеловеческому делу культуры. Философ подчеркивал, что, рассматривая вопрос о смысле войны, нельзя замыкаться на идее защиты нации. Для России война имеет смысл и заканчивается победой только тогда, когда она освобождает другие народы, когда общество руководствуется не национальными инстинктами, а более высокими идеалами.

В статье «Патриотизм против национализма», опубликованной в «Русских Ведомостях» 2 августа 1914 года он говорит о доведенном в Германии до крайности принципа *Deutschland uber alles*. Этому языческому «народопоклонству» и возведению нации в статус кумира Трубецкой противопоставляет русский патриотизм, который объединяет народы Российской империи именно своей «сверхнародной» целью.

В статье «Победа» Трубецкой предупреждает, что каждой нации свойственен свой «внутренний немец», в том числе и русскому. «Роковое свойство национализма именно в том и заключается, что он может всякий народ превратить в зверя и сделать пугалом для других»⁵⁸.

---

⁵⁷ Там же. С. 179

⁵⁸ Трубецкой Е.Н. Смысл войны. М., 1914.С. 29

В статье «Война и мировая задача России» он пишет: «Освободительная миссия России имеет уже вековую историческую давность: ради нее велись наши балканские войны прошлого столетия»⁵⁹.

Однако сравнивать нынешнюю войну с прошедшими войнами можно только весьма условно: масштабы и значимость этих исторических событий несоизмеримы так как никогда столь резко не обозначался универсальный, общенародный характер войны. Вместе с тем Трубецкой убежден в непригодности «старых славянофильских формул» для осознания национальной задачи. Россия борется за освобождение не только славянства, но и «всех народов вообще, всех тех, кому угрожает поглощение и угнетение, без различия племени и вероисповедания»⁶⁰. По мысли философа, нельзя вести войну под знаменем какого-либо одного вероисповедания, например, православия. «Утверждая с возвышенным чувством собственного достоинства наш народнорусский облик, мы должны вместе с этим развить в себе тонкое понимание чужого, уважение к нему и признание его ценности»⁶¹.

Е.Н. Трубецкой не мог обойти вниманием и «восточный вопрос». В его брошюре «Национальный вопрос, Константинополь и святая София» проводилась мысль о том, что проблема Константинополя являлась выражением политического могущества и культурной миссии России. Константинополь и проливы в конечном счёте должны стать частью Российской империи. В работе были выдвинуты три основных аргумента, обосновывавших это.

Во-первых, через проливы проходят важнейшие для России торговые пути, поэтому «вопрос о проливах есть вместе с тем вопрос обо всём настоящем и будущем России».

---

⁵⁹ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12 - С. 89

⁶⁰ Трубецкой Е.Н. Смысл войны. М., 1914. С 20.

⁶¹ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России. С. 91.

Во-вторых, с ними был связан вопрос о политическом будущем. Россия окажется зависимой от более развитых государств, или станет «господствовать над проливами, чем создаётся для неё в свою очередь положение величайшей мировой державы»⁶².

В-третьих, овладение Константинополем имеет огромное культурно-историческое значение. Константинополь - это место нахождения храма святой Софии, над которым вновь должен быть воздвигнут православный крест. Образ Софии для русского самосознания означал, по представлению Е.Н. Трубецкого, призыв к восстановлению «повреждённой целостности человечества», а стало быть, к его объединению.

Протестуя против националистических настроений Е.Н. Трубецкой напоминал, что в России продолжалась начатая задолго до мировой войны борьба между двумя противоположными течениями: национально-языческим и христианским. Отстаивая именно вторые принципы мыслитель писал, что «от того, какое из этих двух начал победит в русской душе, всецело зависит осуществление Россией той миссии, которая выражается в идее св. Софии»⁶³.

Итак, всеобщее освобождение народов может быть достигнуто лишь при условии победы России и установлении ее гегемонии. Однако философ в ряде статей делает оговорку, что «именно мировая гегемония заключает в себе могущественные препятствия к осуществлению нашей идеальной задачи». Он предупреждает, что мировая гегемония способна «усыпить», расслабить духовные силы победителя и тем самым обречь его на гибель. Если Россия соблазнится «мировым первенством» то не исполнит не свою историческую задачу.

В статье «Россия, Польша и славянство», написанной как отклик на воззвание главнокомандующего к польскому народу, Трубецкой говорит:

---

⁶² Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 355.

⁶³ Там же. С. 357

«Раздел Польши именно тот исторический грех, который доселе служил и служит главным препятствием к осуществлению Россией ее освободительной миссии среди славянства»⁶⁴. Восстановленная в своем территориальном единстве Польша, считал Е. Н. Трубецкой, должна иметь право на самоуправление и должна служить оплотом России против германизма. Оба народа, подчеркивал автор, объединяет «связь взаимности», и «нет той силы, которая могла бы порвать эту связь, созданную исторической необходимостью»⁶⁵.

В отношении других славянских народов Е.Н. Трубецкой утверждает, что «должна вырасти великая Сербия, должна создаться независимая Чехия и должны вырасти за счет Австрии все те национальные государства, которые примкнут к великой освободительной войне»⁶⁶.

Несколько иначе осмысливал задачи, вставшие в годы войны перед русским общественным сознанием, Д.С. Мережковский. По его мнению, в настоящее время перед российской интеллигенцией открывалась широкая возможность познания собственного народа. Д.С. Мережковский возлагал определенные надежды на российскую интеллигенцию. Именно теперь, в связи с войной, считал он, должны проявиться все её сильные стороны интеллигенции, которая по праву может называться выразительницей народной совести. В своей публичной лекции «Завет Белинского» он утверждал: «Сейчас, на полях сражений, русская интеллигенция умирает за одно с народом, потому что любит с ним одно. Любит одно, а верит или думает, что верит в разное»⁶⁷. Мировая война должна была нивелировать разницу между народным и интеллигентским сознанием: «Наше спасение в народе, но и его спасение в нас».

---

⁶⁴ *Трубецкой Е.Н.* Смысл войны. М., 1914 С. 13

⁶⁵ Там же. С. 20

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Милованов А.В.* Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей. (1914 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. канд. истор. наук. – Саратов, 1999.

В работах Д.С. Мережковского, так или иначе связанных с темой войны, нет размышлений о борьбе славянства с «германизмом», или роли России в дальнейшей истории и стоявших перед ней геополитических задачах.

Главными вопросами, интересовавшими философа являлись проблемы религиозно-нравственные, а также кризис культуры и трансформации массового сознания. Д.С. Мережковский признавал греховный характер войны, ответственность за которую несет каждый. Главная задача всего человечества, считал он, - покаяться в этом. «хотим, не хотим, - мы все в войне, все убийцы или убитые ... А поэтому нужно не проходить мимо ужасов войны, а совместно вытаскивать завязший в грязи и в крови воз человечества»⁶⁸.

Понимание Д.С. Мережковским победы принципиально отличалось и от неославянофильского взгляда и от позиции Е.Н. Трубецкого: «Будем же воевать до конца и помнить, что в этой войне победит не любовь к отечеству, к своему народу, а только любовь ко всем народам, ко всему человечеству»⁶⁹.

Д.С. Мережковский интересы общечеловеческие поставил выше интересов российских, национальное должно быть подчинено общечеловеческому. тносительно судьбы России во время войны и после ее окончания философ считал наиболее возможными два исхода. Первый возможный исход для России «порабощающий» и означает он: «победу зверского национализма и милитаризма, которая страшнее всех поражений». Второй, благоприятный для России исход – «освобождающий». В этом случае народ идет на войну в поисках «высшей правды», которая выражается в надежде на «обновление» России.

Рассуждения Н.А. Бердяева о сущности и характере первой мировой войны, а также о задачах России в ней необходимо рассматривать в общем

---

⁶⁸ Мережковский Д.С. Война и религия // Мережковский Д.С. Невоенный дневник. С. 178.

⁶⁹ Там же.

контексте его размышлений. Следует отметить их два основных источника. Это теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, согласно которой обособленные культурно-исторические типы являются первостепенными выразителями исторической жизни ⁷⁰ и учение о всеединстве В.С. Соловьева. Сильной стороной творчества Н.А. Бердяева стало отчетливое стремление к синтезу обеих теорий.

Н.А. Бердяев выдвигал идею русского мессианизма: славянская раса, во главе которой стоит Россия, «идет на смену другим расам, уже сыгравшим свою роль, уже склоняющимся к упадку ... Все великие народы проходят через мессианское сознание. Это совпадает с периодами особенного духовного подъема, когда судьбами истории данный народ призывается совершить что-либо великое и новое для мира»⁷¹. Вместе с тем философ стремился освободить русское мессианское сознание от «мертвящих сторон славянофильства», от «языческой национальной стихии». Мессианское сознание, по его убеждению, не является сознанием националистическим - это сознание «мировое и сверхнациональное» .

К конкретной исторической действительности Н.А. Бердяев стремился применить философию всеединства В.С. Соловьева. Он писал, что Россия «призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству»⁷² и должна взять на себя роль моста между Востоком и Западом. Именно после война создала историческую возможность выхода России из своей недавней «провинциальной ограниченности» на арену мировой истории. Именно в столкновении с Германией Россия сыграет свою подлинную историческую роль привидения.

---

⁷⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991.

⁷¹ Бердяев Н.А. Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. М. 1990 С. 24

⁷² Там же. С 22

Способствуя приведению человечества к всеединству и выполняя, таким образом, высокую историческую миссию, Россия, считал философ, должна по-прежнему оставаться империей. Но при этом следует помнить, что Россия «может плениться идеалами мирового господства».

Такие идеалы являются чуждыми славянской расе. Вместо них необходимо «духовное воодушевление на почве сознания великих исторических задач, борьба за повышение ценности бытия в мире, за наш дух». Философ предупреждал, что осуществление этих задач не может происходить само по себе, по произволу стихийных сил истории. Для их осуществления «необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли».

Итак, главную историческую миссию России Н.А. Бердяев видел в «соединении двух миров» - Востока и Запада, в приведении человечества к всеединству⁷³. Более того, в преодолении этих устаревших по сути антиномий содержалась предпосылка для будущего выхода России из своей недавней провинциальной ограниченности на арену мировой истории. Именно в ходе мировой войны Россия сыграет свою подлинную историческую роль приведения человечества к всеединству, и никакие «ужасы войны» и ее трагический характер не должны закрывать ее истинный смысл. Примечательно, что эту мысль, высказанную в начале войны, Н.А. Бердяев продолжал развивать и в 1915-1916 гг., подчеркивая первостепенность стремления всех наций к объединению.

Способствуя приведению человечества к всеединству и выполняя, таким образом, высокую историческую миссию, Россия, считал философ, должна по-прежнему оставаться держав. Но при этом следует помнить, что Россия «может плениться идеалами мирового господства»⁷⁴. Такие идеалы являются, как особо отмечал Н.А. Бердяев, не русскими по духу, чуждыми

---

⁷³ Бердяев Н.А. Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. М. 1990 С. 22

⁷⁴ Там же. С 22-24

славянской расе. Вместо этих заблуждений необходимо «духовное воодушевление на почве сознания великих исторических задач, борьба за повышение ценности бытия в мире, за наш дух»⁷⁵.

Такие позитивные исторические ценности должны утверждаться в противовес идеалам мирового господства, а также представлению, будто «немцы злодеи и безнравственны, а мы всегда правы и нравственно выше всех».⁷⁶ Философ не уставал повторять, что волю к победе в этой войне должны определять в первую очередь положительные, творческие исторические задачи России.

Великое призвание России состояло, по мнению Н.А. Бердяева, и в религиозном водительство. Однако, в отличие от неославянофилов, он считал, что у России есть все возможности для соединения восточного созерцания божества, а также сохраненных святынь православия - с активностью западного человека и исторической динамикой культуры.

В массовом сознании, по мысли Н.А. Бердяева, должно измениться отношение к государству и культуре: «Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не высшим над ним началом... Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами...»

Мировая война, подчеркивал Н.А. Бердяев, показала, что в обществе не было достаточной идейной подготовленности к ней: «Расшатались идеологические основы русского консерватизма и идеологические основы русского радикализма»⁷⁷. Необходимо выработать принципиально новые идеи, которые смогли бы выдержать испытание на жизнеспособность в мировой борьбе народов. Участвуя в войне, недостаточно удовлетворяться

---

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Бердяев Н.А. Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. М. 1990 С. 168

⁷⁷ Там же. С. 81

только «отрицательной идеей отражения германского милитаризма и одоления темной реакции внутри»⁷⁸

В ходе войны коренным образом должно измениться сознание русской интеллигенции. Ее кругозор, считал Н.А. Бердяев, необходимо расширить до мировых масштабов. До войны в оценке множества явлений интеллигенция оперировала отвлеченно-моралистическими категориями. Ей были свойственны доктринерство и отрицание исторических ценностей, поскольку традиционное сознание интеллигенции никогда не было обращено к исторически-конкретным категориям. Однако теперь «нарождается новое сознание, обращенное к историческому, к конкретному, преодолевается сознание отвлеченное и доктринерское»⁷⁹.

Для Н.А. Бердяева такая переориентация сознания была первостепенной: «Вопрос о мировой роли России, о ее судьбе приобретает огромное значение, он не может быть растворен в вопросе народном благе, о социальной справедливости и т.п. вопросах»⁸⁰.

Еще одной задачей для российской интеллигенции являлся ее переход от отрицательного, критического по преимуществу сознания к «сознанию положительному». Обостренное внимание к социальным вопросам, согласно Н.А. Бердяеву, являлось скорее признаком отрицательного, нетворческого сознания. Историческое творчество явилось бы признаком созидającego, «положительного сознания».

В связи с небывалыми историческими событиями должно кардинальным образом измениться сознание всего народа: «требования, которые ставит России мировая война, должны привести к радикальному

---

⁷⁸ Там же

⁷⁹ Бердяев Н.А. Война и кризис интеллигентского сознания // Бердяев Н.А. Судьба России. С.45.

⁸⁰ Там же.

изменению сознания русского человека и направления его воли»⁸¹. Бердяев, считал, что война имеет гораздо более глубокую природу, чем просто вооруженное столкновение, это переплетение скрытых, «духовных начал».

Однако Бердяев, в отличие от славянофилов, очень критичен в отношении к русскому народу: «Никогда бахвальство не было самосознанием, оно может быть лишь полным затмением»⁸².

Мировая война, подчеркивал Н.А. Бердяев, показала, что в обществе не было достаточной идейной подготовленности к ней: «Расшатались идеологические основы русского консерватизма и идеологические основы русского радикализма»⁸³. Необходимо выработать принципиально новые идеи, которые поведут Россию к осуществлению ее мировой роли.

Н.А. Бердяев считал, что необходимо изменить сознание интеллигенции и расширить ее кругозор до мировых масштабов. До войны она оперировала отвлеченно-моралистическими категориями. Ей были свойственны доктринерство и отрицание исторических ценностей. Но теперь «нарождается новое сознание, обращенное к историческому, к конкретному, преодолевается сознание отвлеченное и доктринерское»⁸⁴. Для Н.А. Бердяева это было главным: «Вопрос о мировой роли России, о ее судьбе приобретает огромное значение, он не может быть растворен в вопросе о народном благе, о социальной справедливости и т.п. вопросах»⁸⁵.

Н.А. Бердяев считал, что в годы войны перед русским общественным сознанием встала проблема преодоления и изживания традиционного славянофильства и западничества XIX века. Этот процесс преодоления

---

⁸¹ Там же

⁸² *Бердяев Н.А.* Война и кризис интеллигентского сознания // Бердяев Н.А. Судьба России . С.45

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же

сейчас необходимо завершить, поскольку еще в конце XIX века В.С. Соловьев «покончил со старым славянофильством», его ограниченностью и тем самым открыл новые горизонты мысли.

ГЛАВА II. Поиски национальной идеи.

С середины 1915 года осмысление войны приобрело несколько иной характер. Волна «патриотического подъема» первых месяцев войны угасла. Однако если в народных массах волна патриотических настроений снизилась весной и летом этого года, то ситуация в интеллигентской среде обстояла иначе. Удача или неудача России в боевых действиях не оказывали существенного влияния на стремление осмыслить истоки, характер и сущность войны. Вместе с тем длительность войны и неизвестность её окончания отодвигали прежде первостепенные проблемы на второй план. Произошло некоторое изменение общей направленности мысли - от поисков истоков и смысла войны к размышлениям о внутренней жизни России,

проблемам национальности и национализма. На смену патриотической восторженности пришло более взвешенное и глубокое осознание сущности мировой войны.

Затянувшийся характер войны и военные поражения, нарастающее напряжение в тылу и рост оппозиционных настроений закономерно выдвинули проблему единства нации во имя победы. Виднейшие российские, зная об изменениях общественного сознания, изменили курс своих размышлений, охватывая наиболее актуальные проблемы. Наиболее проницательные из них понимали, что без национальной консолидации не нельзя победить. В связи с этим появилась необходимость усилить внимание к идее единства нации. Так началась дискуссия, связанная с такими понятиями как «национальность», «национализм» и «патриотизм». Многие авторы указывали на необходимость «духовной сплоченности» и совместных гражданских усилий во имя победы

Примем во внимание то, что виднейшие российские мыслители были в курсе политических событий и внимательно следили за ними, отметим, что они хорошо знали о росте оппозиционных настроений в российском обществе.

§1. Национализм» и «патриотизм» как предметы осмысления.

В предыдущей главе уже были обозначены некоторые представления российских философов по национальному вопросу в начальный период войны. В частности, уже упоминалась статья Е.Н.Трубецкого «Патриотизм против национализма», где он обвинял Германию в доведенном до предела национализме, и наоборот, указывал на «сверхнародный» характер русского патриотизма.

Национальный вопрос рассматривался во внешнеполитическом аспекте, как борьба различных наций и миссии русского народа. Говоря о необходимости отстаивать свою национальную независимость, многие

философы нравственно оправдывали войну. Также шло обсуждение национальных проблем в их внутривластном аспекте. В частности, остро обсуждался «польский вопрос» и судьба других национальностей, входивших в состав Российской империи. Что касается последнего вопроса, то большинство мыслителей выступили за идею национально-культурной автономии.

Апеллируя к значимости «национального» в истории, к необходимости отстаивать свою национальную независимость, философы нравственно оправдывали войну. На этом акцентировали свое внимание Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, В.В. Розановым и другие. В середине 1915 г. он вновь был обозначен Д.Д. Муретовым: «Та основная ценность, во имя которой начата наша война, есть историческая роль русской народности, которая в своем росте вышла за пределы племенного своего бытия и стремится к мировой роли».⁸⁶

В другой своей статье Д.Д. Муретов вновь подчеркивал: «Принятие войны ... возможно лишь в том случае, если нами принята наша народность, как ценность, достойная жертв и греха войны».⁸⁷

Новый поворот в постановке и осмыслении национального вопроса обозначился, как уже было отмечено, во второй половине 1915 г., когда возникла острая необходимость национальной консолидации. Следует заметить, что «о совокупном духовном напряжении всей нации указал ещё И.А. Ильин в «Духовном смысле войны». Из представлений о необходимости мобилизации всех, в том числе и духовно-нравственных сил для победы над германским милитаризмом исходил и П.Б. Струве.

В 1916 году на страницах журнала «Русская мысль» проходила полемика по поводу понятий «национализм» и «патриотизм». Начало ей положили две статьи Д.Д. Муретова, объединенные заглавием «Этюды о

⁸⁶ Муретов Д.Д. Правда нашей войны // Русская мысль. 1915. № 6. С. 11.

⁸⁷ Муретов Д.Д. Правда нашей войны // Русская мысль. 1915. № 6. С. 11.

национализме». Он считал, что в традиции русской христианской мысли всегда преобладало отрицательное отношение к национализму: «Мы помним крестовый поход, предпринятый против национализма ... Владимиром Соловьевым, помним, как П.Н. Милюков с ученой невозмутимостью и уверенностью объяснял нам его возникновение и гибель, позднее Д.С. Мережковский открыл, в чем Звериный лик, а прошлой кн. Евгений Трубецкой доказывал, что только национализм мешает нам овладеть Святой Софией, а вместе с нею проливами и многими выгодными угодиями»⁸⁸.

Но не следует относиться, по мысли Д.Д. Муретова к понятию «национализм» предвзято. Достаточно сместить акценты: «Национализм говорит, употребляя терминологию К.Н. Леонтьева, не о любви- сострадании, а о любви-восхищении»⁸⁹.

Д.Д. Муретов прибегнул к платоновскому понятию «эроса», который означает влечение к конкретной красоте. «Любовь - пристрастие» и «любовь-восхищение» и являются проявлениями «эроса». «Национализм теоретический, т.е. философское учение национализма, может и должно состоять в оправдании этой любви-пристрастия, иначе говоря, в оправдании эроса в политике ...»⁹⁰. Таким образом, национализм в представлении Д.Д. Муретова не мог быть отождествлен с шовинизмом и фактически, был тождественен патриотизму.

П.Б. Струве, поместивший в том же номере «Русской мысли» статью (бывшую комментарием к работе Д.Д. Муретова) «Блюдение себя. Нравственная основа истинного национализма». Под словосочетанием «блюдение себя» П.Б. Струве подразумевал непрерывное моральное совершенствование, необходимое как человеку в отдельности, так и народу в целом. Также в этой статье он определяет понимание «истинного

---

⁸⁸ Муретов Д.Д. Этюды о национализме // Русская мысль. 1916. № 1.С.64

⁸⁹ Там же

⁹⁰ Муретов Д.Д. Этюды о национализме // Русская мысль. 1916. № 1.С.64

национализма» и вводит понятие «действенного патриотизма», где рассматривает активную позицию «самодеятельной и самоуважающей личности».

Отстаивая «имперскую идею» еще до первой мировой войны П.Б. Струве достаточно откровенно проповедовали лозунг великорусского национализма. Так, разделяя народности, населявшие Россию, на «державные» и «недержавные», он полагал, что русская народность – «державная» и именно ей должна принадлежать общая гегемония.

С середины 1915 года статьи П.Б. Струве, связанные с темой войны, начали обретать все более «великодержавный» тон. В его статьях военных лет мы не найдем рассуждений о столкновении цивилизаций, не было у него противопоставления славянского и немецкого «миров». Главный акцент был сделан на проблеме национального самосознания. «Родина, страна, нация, государство, - словом, большое целое, нас объемлющее и нас питающее, есть сила, в служении которой мы сами черпаем духовную крепость и нравственное здоровье. Но наряду с этой силой стоит и сила личности, ответственной и за целое, и за себя»⁹¹. П.Б. Струве признавал, что ситуация внутри России в сравнении с началом войны сильно осложнилась: «большинство из нас на самом деле не ощущало того, что эта война будет длительной и что для ее ведения потребуются великие и подлинные духовные силы ...»⁹²

В этой тяжелой для России ситуации все напряжение духовных сил должно быть направлено на конкретную цель, а именно победу в этом небывалом военном конфликте. Поэтому «собрание и организация патриотического духа» возможны только при напряженной работе мысли и обостренном чувстве ответственности. П.Б. Струве считал первостепенным

---

⁹¹ Струве П.Б. Блюдение себя: Нравственная основа истинного национализма // Русская мысль. 1916. № 1. С. 140-141.

⁹² Там же. С 141

для каждого гражданина «непрерывное практическое делание» во имя победы. И никаких сомнений в правильности своих представлений у настоящего патриота быть не должно, потому что они способствуют ослаблению мощи России и усилению противника.

Таким образом, можно увидеть, что для П.Б. Струве, понятие «истинного национализма» практически полностью совпадало с понятием патриотизма и не имело ничего общего с шовинизмом.

Статья Д.Д. Муретова и П.Б. Струве положили начало полемике по вопросу о национализме. С критическими замечаниями вскоре выступил Е.Н. Трубецкой. Он обращался к нему: «какова должна быть любовь к родине: должна ли она выражаться в демагогической лести, в восхищении всеми национальными недостатками только потому, что они национальны или, напротив, любовь к родине должна выражаться в изобличении национальных недостатков, а также в святом негодовании против всего, что пятнает духовный облик моего народа».⁹³ Е.Н. Трубецкой считал, что национализм Д.Д. Муретова чужд «моральному отношению» к своему и другим народам и основывался на национальном пристрастии и «по самому существу своему принципиальное отрицание национальной совести»⁹⁴.

Принцип национального пристрастия, продолжал Е.Н. Трубецкой, отменял всякие нравственные обязательства по отношению к другим народам, а это означало, что все становилось «дозволенным». Также следуя логике Д.Д. Муретова, отношения к другим народам должны определяться не морально-нравственными нормами, а национальными интересами, а что противоречило христианской культуре в целом. Е.Н. Трубецкой был сторонником строгого размежевания между государственной властью и национально-государственными интересами.

---

⁹³Трубецкой Е.Н. Развенчание национализма. Открытое письмо П.Б. Струве // Русская мысль. 1916. № 4. - С. 85.

⁹⁴ Там же. С.85

Д.Д. Муретов продолжал отстаивать свои взгляды. В очерке «О понятии народности» он осмысливал понятия «народность» и «национальность». Народ по его определению, это «совокупность всех поколений, живших, живущих и еще не родившихся»⁹⁵. Общий язык, религия, обычаи и государственность – вот необходимые условия для формирования нации. Нет основной критерий один, это «сознание своего единства и своей особенности». «Национальность» это те общие свойства, которые отличают «каждого отдельного члена народа»⁹⁶. Национальность является постоянным условием, при котором протекает жизнь народа.

По мнению Д.Д. Муретова национальная проблема принадлежала «к наиболее насущному вопросу современности». «Кто дорожил тем необычным единодушием, которое охватило русское общество в начале войны, тот не мог с болью не видеть, что под видимым единомыслием потаенно сохранилась глубокая идейная рознь»⁹⁷.

Он подчеркивает, что «события и настроения последних месяцев уже дали нам почувствовать, что сохраненная в глубине рознь таит, может быть, в грядущем гибель всего того, что сделает наше поверхностное единодушие». Поэтому так важно примирение «в тех именно вопросах, которые особенно резко делили русское общество на враждующие между собой партии»⁹⁸.

На выступление Д.Д. Муретова вновь обрушился Е.Н. Трубецкой, который называл его позицию «новым язычеством», поскольку «самое наименование “язычество” (от слова язык - народ или нация) есть единственный этимологически правильный и точный по смыслу перевод

---

⁹⁵ Муретов Д.Д. О понятии народности // Русская мысль. 1916. № 5 – С. 116

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Муретов Д.Д. О понятии народности // Русская мысль. 1916. № 5.- С. 111

⁹⁸ Там же. С..119

иностранного слова “национализм”»⁹⁹. Главное заблуждение Д.Д. Муретова состояло в обосновании национализма «без содействия каких-либо метафизических начал»¹⁰⁰. Такой национализм, «боготворящий народность», был лишен нравственными требованиями в отношении народа.

Данная статья Е.Н. Трубецкого была прокомментирована в том же номере «Русской мысли» П.Б. Струве, взявшем сторону Д.Д. Муретова. Он писал: «Любовь к своему народу и государству есть могущественная стихия иррационального или даже сверхразумного порядка, стихия, могущая приходить в столкновения с велениями индивидуального разума и индивидуальной морали и тем самым порождать в душах величайшие конфликты чисто-трагического напряжения». П.Б. Струве указывал на необходимость слияния эроса и этоса. Его главным доводом против позиции Е.Н. Трубецкого было то, что нельзя применять к судьбам народов и государств категории индивидуальной морали. В народной и исторической жизни всегда присутствуют сверхиндивидуальные стихии.

К дискуссии в «Русской мысли» подключился и Н.А. Бердяев. Он стремился подчеркнуть принципиальную сторону спора: «применимы ли чисто моральные оценки к истории и могут ли быть перенесены оценки жизни индивидуальной на историческую жизнь народов?». В настоящее время необходимо признать историческую действительность как самостоятельную ценность. Следует принять суровую этику военного времени во имя «избранных нами и любимых нами ценностей».

Н.А. Бердяев попытался рассудить Д.Д. Муретова и Е.Н. Трубецкого. «Применимы ли чисто моральные оценки к истории, к борьбе наций и государств, и могут ли быть перенесены оценки жизни индивидуальной на

---

⁹⁹ Трубецкой Е.Н. “Новое язычество” и его “огненные слова”: Ответ Д.Д. Муретову // Русская мысль. 1916. № 6. С. 93

¹⁰⁰ Там же.

историческую жизнь народов»¹⁰¹ Первый провозглашал абсолютную ценность нации и государства, Е.Н. Трубецкой абсолютизировал моральные ценности. Определенная доля истины, по мнению Н.А. Бердяева, заключалась во взглядах обоих. Н.А. Бердяев соглашался с важностью морали ведь «ценность души человеческой стоит выше ценности царств и миров»¹⁰². Но мораль это «лишь одна из ценностей» и не может объяснять всю взаимосвязь непостижимых факторов текущего исторического момента. «Стихийный порыв национального инстинкта должен быть оправдан и стать источником творчества».

В своих статьях «Национальность и человечество», «Национализм и мессианизм», «Национализм и империализм» Н.А. Бердяев стремился осветить проблему национализма. «Национальность - сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, созидающего ее неповторимый духовный лик».

Национализм как приверженность своей национальности включает в себе положительный смысл: «Без изначальной и стихийной любви к России невозможен никакой творческий исторический путь»¹⁰³. Вместе с тем «стесняет национальное призвание и держится за «те черты национального быта, которые связаны с исторической отсталостью России»¹⁰⁴.

Положительной стороной национализма, по Бердяеву является то, что из него постепенно проистекает идея мессианства: «Национализм, в своем положительном утверждении, в моменты исключительного духовного

---

¹⁰¹ Бердяев Н.А. К спору между кн. Е.Н. Трубецким и Д.Д. Муретовым // Русская мысль. 1916. № 8. С. 44-45

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Бердяев Н.А. Судьба России. С.89-90

¹⁰⁴ Там же. С.87

подъема переливается в мессианизм»¹⁰⁵. Мессианское сознание, по Н.А. Бердяеву всегда жертвенно, являясь «сознанием призванности народа послужить миру и всем народам мира, делу их избавления от зла и страдания»¹⁰⁶. Философ подвергал критике мессианизм славянофилов, за недостаточность «жертвенности». В русском сознании произошло смешение «христианского мессианизма» с мессианизмом, являющимся по сути «преступившим свои пределы национализмом», свойственным еврейскому народу.

Будучи сторонником «великодержавности», Н.А. Бердяев умело маневрировал в таких понятиях как «национализм» и «империализм», порой ставя знак равенства между миссиями русского народа и Российской империи. Русский империализм, считал он, «имеет национальную основу, но по заданиям - своим он превышает все чисто национальные задания, перед ним стоят задачи широких объединений, быть может, невиданных еще объединений Запада и Востока, Европы и Азии».

Россия «тогда лишь будет на высоте мировых империалистических задач, когда преодолет свою старую национальную политику, в сущности несогласную с духом русского народа, и вступит на новый путь».

«Всечеловеческий и щедрый дух русского народа победит дух провинциальной исключительности и самоутверждения»¹⁰⁷. Мировая война должна вывести Россию «в мировую ширь», по мысли Бердяева и «должна измениться политика по отношению ко всем населяющим ее народностям»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁵ Там же. С.90

¹⁰⁶ Там же

¹⁰⁷ *Бердяев Н.А.* Судьба России. С.102

¹⁰⁸ Там же. С.102

Разрабатывая свою «философию национализма» Бердяев отстаивал неразрывное единство национального и общечеловеческого: «Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества, она заложена в самых глубинах жизни ... Существование человечества в форме национального бытия его частей совсем не означает непременно зоологического и низшего состояния взаимной вражды и истребления, которые исчезают по мере роста гуманности и единства»¹⁰⁹.

Д.С. Мережковский не принимал участия в рассматриваемой дискуссии, однако его взгляды были широко известны. В статье «Железо под молотом» он говорит: «Вот куча битого стекла — русский национализм, та нечестивая вера в себя, как в Бога...»¹¹⁰ Бесплезно, по его мнению, кричать о любви к Родине, что «кто любит — молчит». «Высшая ли правда в этой войне — любовь к отечеству? Мы любим свое, немцы — свое, может быть, не меньше нашего. Если нет у нас большей правды, то победу решит не правда, а сила...»¹¹¹. И заканчивает статью словами о том, что «победит не любовь к отечеству, к своему народу, а только любовь ко всем народам, ко всему человечеству»¹¹².

14 ноября 1916 года на вечере памяти В.С. Соловьева им была произнесена речь, в которой утверждалось: «Мы утешаемся тем, - что абсолютный национализм - свойство наших врагов, а не наше. Пусть наш национализм меньший, условный, относительный. Но нельзя победить большего меньшим, абсолютного относительным»¹¹³. Ложный абсолютизм

---

¹⁰⁹ Там же. С.74

¹¹⁰ Мережковский Д.С. Железо под молотом //Первая мировая война в русской литературе. Антология. М., 2014. С.501

¹¹¹ Там же.С.503

¹¹² Там же. С.503

¹¹³ Милованов А.В. Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей. (1914 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. канд. истор. наук. – Саратов, 1999

национализма можно победить противопоставив ему идею совершенно иного порядка, какой была идея Вл. Соловьева о богочеловечестве. Таким образом, точка зрения Д.С. Мережковского относительно национализма перекликалась с мнением Е.Н. Трубецкого.

Окончательным этапом дискуссии стала публикация работы Е.Н. Трубецкого «Государственная мистика и соблазн грядущего рабства. По поводу статей П.Б. Струве и Н.А. Бердяева» и статьи П.Б. Струве «Национальный эрос и идея государства». Статья Е.Н. Трубецкого впечатляла глубиной поставленных вопросов. Чем должна руководствоваться личность в отношении к народу и государству во время войны? От ответа на него, по мнению автора, зависело будущее России.

Позиция Д.Д. Муретова была названа им «государственной мистикой». Н.А. Бердяева он упрекал в попытках совместить «вселенскую правду религии» с «языческим народопоклонством». Должны или не должны народы подчиняться вечной правде решается вне зависимости временной обстановки. Поэтому, по мнению Е.Н.Трубецкого указания Бердяева на изменившиеся исторические условия «представляются в устах религиозного философа по меньшей мере странными».

По убеждению Е.Н. Трубецкого, обязанностью национального государства должно быть служение и забота о душе, а не стремление её подчинить. Особое внимание Е.Н. Трубецкой уделил тенденции современного государства утверждать себя как высшую ценность. Государственная необходимость, возведенная в принцип, оправдывала «самые невероятные, самые неприемлемые для индивидуальной совести жертвы»¹¹⁴.

Современная Германия является примером того, к чему приводит доведенная до конца «государственная мистика политического эроса». Е.Н.

---

¹¹⁴ Трубецкой Е.Н. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства: По поводу статей П.Б. Струве и Н.А. Бердяева. С. 89.

Трубецкой замечал, что в Германии государство стало для немецкой нации Богом: «Весь человеческий этос к его услугам, - и самое возвышенное благородство, и героическое мужество, и беспредельное самоотвержение»¹¹⁵. Государство не способно вознести человека на сверхчеловеческую высоту, а делает его своим инструментом. Низшая мораль государства вытесняет высшую: «Правило - “человек человеку волк” - ныне определяющее отношение между народами и государствами, ... становится лозунгом всей современной культуры и подчиняет себе всю жизнь не только общественную, но и личную»¹¹⁶.

Е.Н. Трубецкой предупреждает об опасности, угрожавшей противникам Германии: «Вполне естественно, что военные успехи Германии вызвали подражание со стороны ее противников. И в этом не было ничего худого, пока мы заимствовали у немцев их технику, их дисциплину и их ораторское искусство. Опасность начнется лишь с того момента, когда мы испытаем на себе действие духовной заразы, когда лозунг “все для войны” будет выражать собою уже не создание и накопление средств для победы, а высшую цель национальной жизни»¹¹⁷.

Не учитывалась именно эта потенциальная опасность «грядущего рабства», превращения в зверя, с которым ведется борьба. Е.Н. Трубецкой считал, что именно национализм приучает к мысли, что человек не имеет самостоятельной цены, что он ценен лишь как «орудие и раб коллективного целого». Необходимо помнить о подчиненном значении государства, что человек по сравнению с ним «ценность высшая».

В этой статье Е.Н. Трубецкой высказывает две пророческие мысли. Первая, относительно того, что текущая война вовсе не является «последней» и возможность будущих конфликтов более чем вероятна: «В начале

---

¹¹⁵ Там же. С. 88

¹¹⁶ Там же

¹¹⁷ Там же

настоящей войны еще можно было тешиться иллюзиями о том, что данная война будет последнею. Но теперь стало очевидным, что она - только начало того грозного периода, когда новые грозы будут рождаться из испарений предыдущих гроз»¹¹⁸.

И вторая относительно собственно будущего России и того, с какой неожиданной стороны может проявить «свободный эрос»: «Почему ему быть непременно национальным, а не классовым? Почему его предметом не может стать в один прекрасный момент пролетариат, трудовое крестьянство или что-нибудь другое в этом роде? Ведь марксизм уже давно провозгласил, что есть только две нации - капиталисты и пролетарии, и что из этих двух пролетариат должен стать единственным. Кто не знает, что в дни обострения классовых антагонизмов эрос классовый усвоит себе целиком весь маккиавелизм эроса национального! Совершенно так же и он не признает над собою высшей правды и считает дозволенными все средства для своего торжества».

Е.Н. Трубецкой заявил о необходимости продолжения войны до полной победы и утверждал, что истинный патриотизм не имеет никакого отношения к национализму. Он призывал к неустанной вере в Россию: «Пусть только эта вера не колеблется временными неудачами. Пока она в нас живет и нас одухотворяет, мы видим перед собою цель и смысл»¹¹⁹. Великой же целью России было освобождение угнетенных народов и защита общечеловеческих ценностей.

П.Б. Струве отчасти соглашался с Е.Н. Трубецким: «Конечно, обожествление эмпирического государства ... должно быть отвергаемо как пагубное идолопоклонство»¹²⁰. Но следует учитывать и то, что жизнь «в

---

¹¹⁸ *Трубецкой Е.Н.* Государственная мистика и соблазн грядущего рабства: По поводу статей П.Б. Струве и Н.А. Бердяева. С.92

¹¹⁹ Там же. 94

¹²⁰ *Струве П.Б.* Национальный эрос и идея государства. Ответ кн. Е.Н. Трубецкому // Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* М., 1997. С. 405.

государстве есть, помимо социальной техники, нечто от божественного начала ... В любви к государству выражается не политический материализм, иначе маккиавелизм, а, наоборот, бескорыстное, преодолевающее заботу о личном благополучии, религиозное отношение к сменяющему друг друга на земном поприще бесчисленному ряду человеческих поколений, почтение к предкам, которых мы никогда не видели, и любовь к потомкам, которых мы никогда не увидим». П.Б. Струве делал, в итоге вывод, что «идея государства ... имеет такое же религиозное значение, как и известным образом понимаемая идея человечества»¹²¹.

Он утверждал, что идея «национального эроса» для победы в войне: «Сейчас мы посреди суровых необходимостей войны и должны все усилия направить на то, чтобы из них выйти, победив силу врага и преодолев собственные недостатки и слабости»¹²². И роль государства в нынешних условиях особенно возрастала: «Государственность в условиях войны действительно достигла величайшего напряжения, ибо только собранными силами можно вести такую титаническую борьбу. Это напряжение государственности есть абсолютная необходимость, без которой был бы немислим самый факт величайшей в мировой истории войны»¹²³.

На примере этой дискуссии можно видеть идейное размежевание в российской интеллектуальной среде. Для русских читателей такие понятия, как «национализм», «народ» и «патриотизм» были сложными и многоаспектными. В обострившейся ситуации уже невозможно было дать устраивавших всех определений.

Однако несмотря на существенные различия в их взгляда, большинством мыслителей учитывались существующие реалии исторической действительности.

---

¹²¹ Там же. 405-406

¹²² Там же

¹²³ Там же

Нужно сказать, что споры о сущности подобных понятий были в наибольшей степени характерны именно для России. В странах Антанты и Центрального блока подобного рода дискуссии носили более практический, и гораздо менее отвлеченный характер. Не все ответы на поставленные вопросы были найдены, но перед мыслящей русской публикой были поставлены проблемы, над которыми до сих пор работает наше общественное сознание.

§ 2. Духовное единение как основной фактор победы

В конце 1916 года в российской печати появились отклики на немецкие мирные предложения. С резкой критикой этих предложений, называя их «спекуляцией на душевную слабость»¹²⁴, выступил, среди прочих, П.Б. Струве. Немецкие условия мира были неприемлемы, так как сводили на нет усилия России и делали принесенные жертвы абсолютно напрасными. Все это, по мнению П.Б. Струве было коварным расчетом кайзеровского правительства, хорошо осознававшего усталость от войны среди населения противостоящих Германии стран.

Необходима была, по словам П.Б. Струве мобилизация «всех сил русского общества...стройная, до конца продуманная организация всех сторон жизни применительно к целям неопределенно длительной войны, направленной на полное истощение противника ...»¹²⁵. Нельзя было по мысли автора не недооценивать «фактор народной жизни», так как в войне победит тот, кто в большей мере его сохранит.

П.Б.Струве подчеркивал, что мирные предложения не более чем попытка деморализации армии и народа. Война приобрела тотальный, всенародный характер и потому исход ее решится не столько на поле брани, сколько «соствязанием целых народных организмов во взаимной осаде, или

---

¹²⁴ Струве П.Б. Спекуляция на душевную слабость. По поводу предложений мира // Русская мысль. 1916. № 12

¹²⁵ Там же.

блокаде». В условиях затянувшейся войны необходимо осознание всеобщей ответственности за будущее России. Недопустима и мысль что из-за «нашей душевной слабости мы неспособны довести борьбу до победы права и правды»¹²⁶. Следовало, по убеждению автора, учитывать чем именно для России явилось бы поражение, которое есть, по его мнению: «свидетельство нашего малодушия и заключало бы в себе пагубные, разлагающие народное бытие зерна нравственного унижения» .

В отличие от П.Б. Струве, в период второй половины 1916 - начала 1917 гг. Бердяев не ограничивался рассмотрением внутренних проблем, а говорил о слитности судьбы России с участью Европы и всего человечества. В статье «Варварство и упадничество» зазвучали новые смыслы в понимании войны. Он отмечал её затяжной характер, чего никто не мог предполагать в 1914 году. Силы для продолжения «черпаются из какого-то бездонного источника»¹²⁷ и никто уже не возьмется предсказать сроки ее окончания.

Но основная мысль Бердяева состояла в том, что после начала войны произошла «варваризация» культуры. Однако, это не было полностью негативным фактором, так как способствовало преодолению «упадочности». Будучи «концом культурной упадочности», мировая война являла собой также новый исторический период. Философ именно в этой статье дает ему определение, называя его эпохой «нового средневековья». Основной смысл новой эпохи состоит в проявлении в европейском, предельно рационализированном сознании некоего иррационального начала, отвергающего «все планы слишком рационального устройства земной жизни»¹²⁸. Война угашает «внешний свет рационализированной культуры», но вместе с тем выявляет глубинную сущность человека.

---

¹²⁶ Струве П.Б. Спекуляция на душевную слабость. С. 167.

¹²⁷ Бердяев Н.А. Варварство и упадничество // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 373.

¹²⁸ Бердяев Н.А. Варварство и упадничество. С. 376.

Текущая ситуация, по мысли Бердяева показывает, что европейская, общественность располагают устаревшими идеями. К ним он относит гуманитарно-пацифистскую идею, так как она, будучи предельно упрощенной, оказалась бессильной перед «грозным ликом» реальности.

Однако у Н.А. Бердяева отсутствовала четкая идейная система. Он указывал лишь на общие контуры общественного развития: «Русские не могут удовлетворяться отрицательной идеей отражения германского милитаризма ... надо освободиться от “постыдного равнодушия к идеям”, теперь уже “настало время для идейной проповеди, от которой зависит все наше будущее»¹²⁹.

Мысли о будущем России тревожат Н.А. Бердяева в этой статье, но можно увидеть и надежду на разрешение кризиса: «В самый трудный и ответственный час нашей истории мы находимся в состоянии идейной анархии и распутицы ... Но в глубине русского народа есть живой дух, скрытые великие возможности»¹³⁰.

Позиция Н.А. Бердяева о соотношении государства и личности также изменилась в сторону «великодержавности». Несмотря на все недостатки и жестокость административного аппарата, «без государства человечество на том уровне, на котором оно находится, было бы ввергнуто в еще более жестокое, звериное состояние». Судьба государства, в конечном счете неразрывно связана с судьбой каждого человека.

К теме взаимоотношений России и Европы Н.А. Бердяев обращается в статье «Россия и Западная Европа», где он подводил итог своих размышлений на эту тему. России необходима «европеизация», техническая оснащенность. Именно она призвана соединить восточную и западную культуры и т.д. Но в то же время, в статье заметна обеспокоенность автора

---

¹²⁹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 75-82.

¹³⁰ Там же. С.82

за будущее России, которое зависело от того, сумеет ли она «преодолеть в себе крайний Восток и соблазны погружения в чисто восточную стихийность». Станет ли Россия Востоком Христа, что принесет свет Европе и миру, или кровавым, деспотичным Востоком Ксеркса?

Обеспокоенность за будущее России выражал также А.С. Изгоев, который был одним из ведущих обозревателей журнала «Русская мысль». Так, он с горечью сравнивал общественное настроение в странах-союзницах с состоянием российского тыла. На Западе, несмотря на порожденные войной проблемы, очевидно «всеобщее воодушевление» и единение всех слоев общества. Настроение же российского общества совсем иное, несмотря на героизм и самоотверженность армии. А.С. Изгоев признавал: «Пути правительственные и общественные не слились. Как и до войны, они остались параллельными»¹³¹.

С.Н. Булгаков подготовил основательную статью, в которой он не мог не учитывать изменившихся условий времени. Неославянофильство отошло на второй план. Булгаков отверг свое прежнее противопоставление России и Европы. Большое внимание в статье уделялось анализу духовного кризиса современной цивилизации, который именно в мировой войне получил свое наиболее яркое выражение и был следствием эпохи Просвещения и рационализма западной мысли. «Незачем делать вид, что война есть случайный эпизод истории или же последнее препятствие, порог, через который осталось перешагнуть на пути к всеобщему миру гармонии и счастью»¹³².

Примечательно, что мысли С.Н. Булгакова в перекликались с бердяевскими рассуждениями о наступлении «новой эпохи», только он называл ее эпохой «сумерек человека». Наступающая эпоха, не была

---

¹³¹ Изгоев А.С. На перевале. Общество, власть, бюрократия // Русская мысль. 1916. № 10.- С. 111.

¹³² Булгаков С.Н. Человечность против человекобожия. Историческое оправдание англо-русского сближения (Публичная лекция) // Русская мысль. 1917. № 5-6

однозначно негативным фактором, неся лишь хаос и тьму. Происходило также «очищение» западноевропейской цивилизации. «В глубине испытаний, переживаемых родиной внутри и извне ... позволительно ли уныние, утомление, расслабленность, разочарование? Или же мы присутствуем при устрашительном, но и светоносном возрождении, творческом взлете, подвиге человечности, любви и веры?»¹³³

Во взглядах В.В. Розанова по-прежнему были сильны неославянофильские мотивы. В статье «К новолетию 1917 года» он подверг критике «германизацию» времен Петра I. Германия. Чувствуется его обеспокоенность за судьбу России. Им акцентировалась мысль о необходимости достойно преодолеть испытания. В.В. Розанов говорил о духе армии и ее неистощимом терпении, но настроения в тылу, как правило, безрадостные. В.В. Розанов подчеркивал, что недостаточно к военному мужеству должно добавиться и гражданское мужество.

Общий анализ трансформации общественной мысли с середины 1915 года показывает, что на смену патриотической восторженности первых месяцев войны пришел патриотизм более глубокий, учитывающий непростые реалии, в которых разворачивалась мировая драма. В 1916 - начале 1917 гг. в среде российской интеллигенции произошло идейное размежевание на тех, кто настаивал на продолжении войны, и тех, кто высказывал сомнения в ее идеологическом обосновании.

---

¹³³ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ощущение надвигающейся катастрофы ощущалось в Европе еще на рубеже XIX-XX вв. Предчувствие смены исторических эпох выражалось в работах многих мыслителей. Первая Мировая война способствовала формированию определенного типа самосознания, что мы выяснили на примере рассмотренных нами текстов. Одной из характерных особенностей данного типа самосознания являлось преобладание «сверхличностных ценностей» с предельной концентрацией на идее жертвенной самоотдачи во имя высших идеалов и вытеснение ценностей личного блага отдельного индивида на второй план.

Почти все исходили в своих заключениях из того, исходили из того, что Россия подверглась нападению со стороны Германии, а потому война для России носила справедливый и освободительный характер. Анализ статей Н.А. Бердяева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрн и других показал,

что их выявил несколько разновидностей патриотического дискурса. Это и «православный» патриотизм С.Н. Булгакова и В.Ф. Эрн, и «великодержавные» суждения П.Б. Струве. Это желание Бердяева постичь законы исторической жизни и определить место России в мире и защита незыблемости нравственных принципов Е.Н. Трубецким. Своеобразна точка зрения Д.С. Мережковского, который, не принимая войну в целом, все же оправдывал ее с религиозно-философской точки зрения.

Одной из основных идей стал выдвинутый Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым и В.В. Розановым еще в начальный период войны тезис о «русском возрождении».

Н.А. Бердяев под «возрождением» понимал духовное обновление страны и коренное изменение сознания интеллигенции и нации вообще, а также технический прогресс России. Для С.Н. Булгакова, В.В. Розанова и В.Ф. Эрн (для последнего в меньшей степени), мировая война означала, возрождение славянофильства. Этими противопоставляли основные духовные ценности русско-византийской и западной культур. Н.А. Бердяев же считал, что Россия должна объединить в своем лице «Запад и Восток».

Существовали принципиальные различия в осмыслении истоков и сущности войны неославянофилами и другими религиозными философами. Первые исходили из представления о кризисе европейской культуры, ярчайшим выразителем которого, была Германия. Сторонники неославянофильства недостаточно четко отделяли Германию от остальной Европы, следствием чего имелось представление о том, что идет «духовная» война со всей изжившей себя западноевропейской цивилизацией. В этом отношении позиция неославянофилов, была парадоксальной, противоречивой и исторически несостоятельной, на что справедливо обращали внимание их критики. Впрочем, В. Ф. Эрн, особенно в более поздних статьях стремился осмыслить сложный характер взаимоотношений России с Европой и уделял внимание именно специфике германизма.

Весьма обоснованной выглядит критика концепций неославянофилов Н.А. Бердяевым, С.Т. Франком и Е.Н. Трубецким. В противопоставлении германизму своей «этничности» и созданию русского национализма они видели большую опасность, и история XX века подтвердила их правоту. Критика неославянофильства достигла особого накала в первой половине 1915 года. Дальнейшее развитие событий и общее положение дел все более вскрывали несостоятельность славянофильской концепции войны.

К группе мыслителей, осмысливавших принципиальные вопросы мировой войны, относились те, кого можно обобщенно назвать «критиками неославянофильства». К ним можно отнести Н.А. Бердяева, Е.Н. Трубецкого, И.А. Ильина, С.Н. Франка, Д.С. Мережковского и других. Несмотря на очевидную неоднородность представителей этой группы, как свидетельствуют их статьи, объединяло более глубокое и исторически обоснованное представление о мировой войне. Критикуя неославянофилов, они подчеркивали непригодность устаревших славянофильских доктрин для решения творческих исторических задач России, а также их «провинциализм». Для них были неприемлема идея национальной исключительности и потому такое большое внимание было уделено борьбе с национализмом. Еще в начале войны ими были сформулированы задачи, стоявшие перед Россией: победа над Германией и освобождение славянских народов, объединение Польши и предоставление ей автономии, присоединение Константинополя с проливами и т.д.

Духовные истоки войны большинство мыслителей видело в исторической исчерпанности основных постулатов европейской культуры. Как например: западноевропейского гуманизма, научного рационализма с его логическим продолжением в философской мысли XIX-начала XX вв. Было выдвинуто положение о том, что на современном историческом этапе новоевропейская культура все больше утрачивает свои позиции и ценности и вытесняется новой культурой, идущей ей на смену.

Несмотря на существенные различия в осмыслении основных проблем всех объединяла, убежденность в необходимости доведения войны до победного конца. Наиболее дальновидные предчувствовали, что война может привести к серьезным потрясениям в России, но никто не предвидел (за исключением Е.Н. Трубецкого) всей глубины возможного кризиса.

При рассмотрении работ данного периода следует придерживаться принципов историзма; нельзя не учитывать, что мыслители, чьи работы были рассмотрены, принадлежали определенной философской парадигме, выражая представления определенной части российского общества. Они активно выступали за войну с Германией, верили в особую миссию России, требовали мобилизации всех, в том числе и духовно-нравственных сил, для победы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне в четырех томах - М.: Кучково поле, 2014
2. *Алешин А.* Награды Первой мировой. – М.: Вече, 2010
3. *Арамилев В.В.* В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. 1914-1917. - М.: Кучково поле, 2015
4. *Ардашев А.Н.* Великая окопная война. Позиционная бойня Первой мировой. - М.: Яуза, 2009
5. *Баиов А. К.* Великая Мировая война 1914-1918 гг . - М.: РИСИ, 2015
6. *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи (1914-1917 гг.) - М.: Росспэн, 2004
7. *Бердяев Н.А.* К спору между кн. Е.Н. Трубецким и Д.Д. Муретовым // Русская мысль. 1916. № 8
8. *Бердяев Н.А.* Судьба России. - М. 1990
9. *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 1
10. *Бережная А.Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л.,1975.

11. *Булгаков С.Н.* Война и русское самосознание (Публичная лекция). М., 1915
12. *Булгаков С.Н.* Русские думы. // Русская мысль. 1914. № 12
13. *Булгаков С.Н.* Человечность против человекобожия. Историческое оправдание англо-русского сближения (Публичная лекция) // Русская мысль. 1917. № 5-6
14. Великая война 1914-1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны в пяти выпусках. Ред. Е. Сергеев. - М.: Квадрига, 2014
15. Война и мир в новой и новейшей истории России (К столетию начала первой мировой войны)- М.: АИРО – XXI, 2014
16. *Войтоловский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: по следам войны. - М.: Воениздат, 1998.
17. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. В 4 томах. Том 1, 2 – М. - Царское Дело, 2014
18. Вернадский В.И. Дневники 1917-1921. - Киев.: Наукова думка, 1994
19. *Голденков М.* Первая мировая война. 100 лет мифов. - М.: ФУАинформ, 2014
20. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Первой мировой войне - М.: Кучково поле, 2001
21. *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. - М.: Айрис -Пресс, 2014
22. *Головин Н.Н.* Наука войны – Париж, Издательство газеты «Сигнал», 1938
23. *Голубев А, Поршнева О.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн - М.: Новый хронограф, 2011
24. Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. Авт.-сост. О.Г. Гончаренко – М.: Вече, 2014
25. *Гумилев Н. С.* Записки кавалериста. Брусилов. А.А. Воспоминания - М.: АСТ, 2014
26. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо -романскому. М., 1991
27. *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне 1914-1915 гг. – Берлин, 1924

28. *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914-1918 гг. в 2 томах – М.: Воениздат, 1938
29. *Керсновский А.А.* История русской армии в 4 томах - М.: Голос, 1992
30. *Керсновский А. А.* Философия войны. - М.: Издательство Московской Патриархии, 2010
31. *Конец старого мира. Забытые страницы первой мировой.* – Минск, 2014
32. *Краснов П.Н.* Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии - Джорданвилль, Нью-Йорк, 1986.
33. *Кравков В.П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача - М.: Вече 2014
34. *Куличкин С.П.* На фронтах Первой мировой - М.: Вече. 2014
35. *Левицкий В.А.* На Кавказском фронте Первой мировой - М.: Кучково поле, 2014
36. *Изгоев А.С.* На перевале. Общество, власть, бюрократия // Русская мысль. № 10
37. *Ильин И.А.* Духовный смысл войны. М, 1915. 48 с.
38. *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны. // Вопросы философии и психологии. 1914. № 5
39. *Лехно В. Б.* Солдатскія частушки, записанныя со словъ раненыхъ. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1915
40. *Лор Э.* - Русский национализм и Российская империя. Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны – М.: Historia Rossica, 2012
41. *Марков О.Д.* Русская армия 1914–1917 гг. - СПб, 2001.
42. *Мейер А.А.* Петербургское Религиозно-философское общество // Вопросы философии. 1992. № 7
43. *Мережковский Д..С.* Было и будет. Дневник. 1910-1914. Невоенный дневник. 1914-1916. – М., 2001
44. *Милованов А.В.* Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей. (1914 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. канд. истор. наук. – Саратов, 1999.

45. *Мультатули П.В.* Забытая война. Россия и Германия в Первой мировой войне - СПб, 1998.
46. *Мультатули П.В.* Господь да благославит решение мое. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. – М.: НТЦ "Форум", 2007.
47. *Муретов Д.Д.* Правда нашей войны // Русская мысль. 1915. № 6
48. *Муретов Д.Д.* Этюды о национализме // Русская мысль. 1916. № 1
49. *Муретов Д.Д.* О понятии народности // Русская мысль. 1916. № 5
50. *Невмятулин. Р.* Землянский полкъ. - М.: Амрита - Русь, 2015
51. *Нация и империя в русской мысли начала XX века (Русские думы) Сергеев С.М. и др. (сост.) – М.: Изд. Дом «Пренса», 2004*
52. *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914-1917. - М.: Центрполиграф, 2014
53. *Падучев. В.* Записки нижнего чина. 1916 год. Д. Оськин. Записки прапорщика. - Государственная публичная историческая библиотека России, 2014
54. *Первая мировая война. - М.: Наука, 1968*
55. *Первая мировая война дискуссионные проблемы истории. Писарев Ю. А., Мальков В. Л. (отв. ред.)- М.: Наука, 1994*
56. *Первая мировая война в произведениях российских соотечественников. Спб. Изд. Дом Скифия, 2014*
57. *Первая мировая война в оценке современников. Власть и российское общество. 1914-1918 в 4 томах. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2014*
58. *Первая мировая война в русской литературе. Сост. Г. Красников, К. Семенов. - М.: Вече, 2014*
59. *ПМВ- историографические мифы и историческая память в 3-х т. - М.: РИСИ, 2014*
60. *Порошин А.А.* Проигравшие победители. Русские генералы. - М.: АСТ, 2014
61. *Португальский Р.М. Алексеев П.Д. Рунов В.А.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. - М.: Элакос, 1994.

62. Противники России в войнах XX века. Эволюция "образа врага" в сознании армии и общества. Синявская Е.С.. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2006
63. *В.В. Розанов.* Война 1914 г. и русское возрождение. - М. 1914
64. Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума – СПб, 1999
65. Россия в первой мировой войне: новые направления исследований. Сборник обзоров рефератов. (препринт) отв. ред. И.И. Глебова – М, 2013
66. Россия в первой мировой. Великая забытая война. - М.: Яуза, 2014
67. Русские философы о войне: Антология. - М.; Кучково поле, 2005
68. Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2014
69. *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1997
70. *Сизенко А.Г.* Казаки и казачьи войска царской России – Ростов н/Д.: Владис, 2011
71. *Смирнова А.М.* Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны (июль 1914 - февраль 1917 гг.) Автореф. дис. канд. истор. наук. – Спб, 2000
72. *Снесарев А.Е.* Письма с фронта. 1914-1917 год. - М.: Кучково поле, 2012
73. *Снесарев А.Е.* Философия войны - М.: Ломоносов, 2013
74. Солдатские письма 1917 г. Сборник. - М.,Л., 1927
75. Современная война в русской поэзии. сост. Б.Глинский. - Пг., 1915
76. *Степанов. Е.* Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914-1918. - Прогресс-Плеяда, 2014
77. *Струве П.Б.* Блюдение себя: Нравственная основа истинного национализма // Русская мысль. 1916. № 1
78. *Струве П.Б.* Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12
79. Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* М., 1997
80. Струве П.Б. Спекуляция на душевную слабость. По поводу предложений мира // Русская мысль. 1916. № 12

81. *Такман Б.* - Августовские пушки – М.: Астрель, 2012
82. *Трубецкой Е.Н.* Война и мировая задача России //Русская мысль. 1914. №12
83. *Трубецкой Е.Н.* Государственная мистика и соблазн грядущего рабства: По поводу статей П.Б. Струве и Н.А. Бердяева // Русская мысль. 1917. №1
84. *Трубецкой Е.Н.* “Новое язычество” и его “огненные слова”: Ответ Д.Д. Муретову // Русская мысль. 1916. № 6
85. *Трубецкой Е.Н.* Развенчание национализма. Открытое письмо П.Б. Струве // Русская мысль. 1916. № 4
86. *Трубецкой Е.Н.* Смысл войны. М., 1914. 46 с.
87. *Уткин А. И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. – Смоленск: Русич, 2000
88. *Фассен П.* Великая война и современная память – Спб.: Издательство Европейского Университета, 2015
89. *Федорченко С.* Народ на войне. – М.: «Советский писатель», 1990
90. *Франк С.Л.* О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12
91. *Хмельков С.* Борьба за Осовец. М.: Воениздат, 1939
92. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). под. редакцией А. Максимова - Казань, 1932
93. *Черныш А.В.* На Фронтах Великой войны. Воспоминания 1914-1918 - М.: Кучково поле, 2014
94. *Черчилль У. С.* Вторая мировая война: В 6 т. Т. 1: Надвигающаяся буря / Пер. с англ. под ред. А. Орлова
95. *Шамбаров В. Е.* Песни Царской России, плененные большевиками - М.: Культурно-просветительный Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2013
96. *Шацилло В. К.* Последняя война царской России - М.: Яуза : Эксмо, 2010
97. *Шишков. А.В.* Георгиевская слава России– М.: Вече, 2008

98. *Шпенглер.О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1
Гештальт и действительность / Перевод с немецкого, вступительная
статья и примечания К. А. Свасьяна – М., 1998
99. *Эйхенбаум И.* Сражатели. Записки пехотного офицера - М.:
Традиция, 2015
100. *Эренбург И.* Лик войны. Воспоминания с фронта. 1919, 1922 –1924.
Газетные корреспонденции и статьи, 1915-1917 - Спб.: Издательство
Европейского Университета, 2014
101. *Эрн В.Ф.* Сочинения. М., 1991.
102. *David R. Stone.* The Russian Army in the Great War: The Eastern Front,
1914-1917 - Modern War Studies ,2015
103. *Douglas Boyd.* The Other First World War: The Blood-Soaked Eastern
Front, 2014
104. *Karen Petrone.* The Great War in Russian Memory. Indiana-Michigan
Series in Russian and East European Studies, 2011
105. *Max Hastings.* Catastrophe 1914: Europe Goes to War. - Deckle Edge,
2013
106. *Paul Ham.* 1914: The Year the World Ended. - Sydney, 2014